

Глава 14 Семья

— Как думаешь, стоит взять с собой дополнительную тёплую одежду? — спросила у Акиры идущая рядом с ней светловолосая лучница из группы В, которая также отправлялась на Север.

— Лучше бери только самые нужные и самые любимые вещи, — ответила рыжая, поглаживая снова отобранного у Куроме кролика.

— Ты уверена? Может, всё-таки стоит выпросить запас на складе сейчас, чтобы нас не ругали за лишние траты потом? На севере Империи и тем более в Северном королевстве — холодно. Тем более зимой. Даже мы можем замёрзнуть, — продолжала беспокоиться Анна.

— Куроме сказала, что ей выделили достаточно средств, — успокоила спутницу Акира. — И что о мелких тратах на наряды отчитываться вообще не придётся. Я ей верю, на юге и северо-востоке всё так и произошло.

— А если она обманывает, то я заставлю нашу цундере согреть меня своим телом, — хихикнула шагающая рядом с ними Сена. — Вам, девочки, тоже не о чем беспокоиться: у вас есть большие и тёплые парни.

— У тебя же есть Эдгар, — неуверенно заметила Акира.

— Вот именно! У вас парни, а у меня — так... Эдгар. Только и может, что бегать по весёлым домам. А потом, увидев меня с милым мальчиком или девочкой — ревновать. Ещё и обижается на предложение повеселиться вместе, — на этих словах щеки Анны и Акиры порозовели. — Тем более он в группе D, у которой другая миссия. Лучше соблазню Куроме, — постучав пальцем по губам, с проказливой улыбочкой закончила Сена.

— Скорее, она тебе опять даст по рукам, — ступив на ведущую в надземное здание лестницу, насмешливо фыркнула рыжая.

— Ну... — намотав на палец заплетённые в косичку пурпурные волосы, нарочито протянула тихая убийца, — я, конечно, больше люблю нежность, но если нашей маленькой колючке больше нравится, как с папенькой твоего болтуна...

— Ой, не начинай! — Акира замахала на товарку свободной рукой. — Я устала слушать повторы этой глупой шутки ещё на миссии!

Поднявшись по лестнице, троица девушек увидела привычный стол с сидящим там дежурным. Новенький молодой — на несколько лет старше убийц, но кого это волнует? — сержантик поймал взгляд задорно улыбнувшейся ему Сены, смутился, опустил глаза, потом вновь их вскинул, пробежался взглядом по лицам троицы, встрепенулся:

— Э-э, простите, офицеры, — троица младших лейтенантов, ещё не привыкших к своим новым званиям, дружно проигнорировала неуверенный зов. Лишь Акира глянула на парня, как на идиота: «Каких офицеров он зовёт, если кроме них здесь никого нет?».

— Эм, простите, у меня посылка для госпожи Акиры, — сконфужено воскликнул сержант, когда девушки уже собирались уйти.

— Для меня? — удивилась рыжая. — А от кого?

— Не знаю, — спрятав глаза, пожал плечами нижний чин. — Доставили к КПП, сказали, что от анонимного поклонника.

— И вы вот так принесли на территорию непонятную коробку? — уперев руки в боки, спросила Акира. — А если там бомба или яд? Кто потом будет отвечать перед командирами? Я?

— Там её, кхм, проверили, — вжав голову в плечи, ещё более смущённо сказал постовой. — Наши решили, что пусть лучше... оно подождёт у меня в столе. А я передам посылку вам.

— Акира, хватит пугать мальчика! Смотри, как покраснел, — под взглядом убийцы бедный сержант пошёл натуральными пятнами и, извинившись, поспешил скрыться по «неотложным делам». — Давай лучше посмотрим, что тебе прислали! — проводив его насмешливым взглядом, с энтузиазмом воскликнула Сена. — Нам ведь интересно, правда, Анна?

— Да, это очень романтично, — с готовностью закивала лучница, чьи карие глаза светились неподдельным любопытством.

— Ну, ладно, — согласилась рыжая, что, подойдя к столу, подозрительно рассматривала водружённую на него стильно и дорого выглядящую бело-золотую коробку, перевязанную алыми лентами.

— Хм, — передав кролика Анне и покрутив в руках не слишком тяжёлую упаковку, девушка убедилась, что её содержимое действительно, скорее всего, не представляет опасности.

Тем более, факт доставки посылки именно на имя Акиры скорее намекал не на подлый трюк террористов, узнавших адрес Подземной Базы, а на выходку одного не в меру наглого типа. Уж кому-кому, а ему точно хватит бестолковости на такой вот ни капельки не смешной и ничуть не романтичный номер! Точно, вот совсем не романтичный!

А румянец на её щеках исключительно от раздражения на этого дурака! И губы у неё подрагивают не из-за сдерживаемой улыбки, а от гнева! Да-да!

Впрочем, когда девушка в предвкушении развязала ленту и, открыв коробку, увидела там записку, вызванные смущением мысли стали ближе к истине.

«Самой милой суровой госпоже!..» — выхватил взгляд.

Акира попыталась выдернуть и спрятать эту явно дурацкую писульку, однако Сена её опередила.

— Ого! — ознакомившись с коротким посланием, воскликнула пурпуровласая проныра и процитировала прочитанное:

— Самой милой суровой госпоже! Присылаю экипировку, необходимую каждой уважающей себя садо-мазо бон доминатрикс! Преданный поклонник.

— Отдай! — до ушей покрасневшая убийца-медик вырвала листок из рук Сены и гневно её смяла.

— Хо-хо, весело у вас, — проказливо улыбнулась тихая убийца. — И что же это за экипировка?

— Плётка и наручники? — предположила порозовевшая лучница; сидящий у неё на руках кролик с необычной для животного внимательностью и интересом наблюдал за происходящим.

— Банально, — качнула головой Сена. — Я верю в «поклонника и его фантазию». Акира, что ты замерла? Открывай!

«Виновнице торжества» крайне не хотелось открывать коробку и узнавать глубины фантазии идиотского «поклонника». Но, судя по виду находящихся рядом девчонок, утащить окаянную посылку, по-тихому выбросить её содержимое, от которого рыжая не ждала ничего хорошего, а потом показать «поклоннику» такое садо-мазо, чтобы навсегда отбить желание шутить над своей девушкой... — взгляд на горящие исконно женским любопытством глаза, — нет, об этом остаётся только мечтать.

Они её просто так не отпустят.

Молодая убийца-медик со вздохом подняла картонную перегородку и открыла вид на её содержимое. И там действительно имелась плётка — ядовито-розовая — а также наручники, отделанные мехом той же палитры. Также присутствовала некая конструкция из ремешков и то, что не позволило Акире сосредоточиться на изучении прочих извращенских штук.

— Большой, — тихо сказала стиснувшая кролика Анна. — Это надо надевать?

— Точно, — со своей непреходящей пошловато-игривой улыбкой ответила Сена, которая в отличие от спутницы ни капли не смутилась. — Игрушка для девочек, которые хотят почувствовать себя мальчиками, — она потянулась к содержимому посылки и с интересом пощупала предмет общего интереса. - Упругий. Не знала, что вы с балаболом практикуете такое. Хотя... если верить рассказам про Куроме и его папеньку, то это у него наследственное.

— Нет! — полыхнула румянцем рыжая. — И хватит его трогать!

— А ты, подруга, собственница, — и не думая прекращать своего смущающего занятия, стрельнула глазами Сена.

— Да нет же! — вырвав из рук проказливой спутницы пристяжное оружие легкомысленно-розовенького цвета, воскликнула Акира. — Я не извращенка! Это всё дурацкая шутка! — рубя воздух импровизированным «мечом» экспрессивно вещала она.

— Ну, что ты! — подняв ладони к распалившейся девушке, уверила её Сена под кивки светловолосой лучницы. — Мы не осуждаем. Тебе очень идёт образ негодующей... госпожи, которая хочет... карать, — её пошловатое хихиканье сопровождалось смущённым эхом со стороны Анны.

— Да что вы!..

Вспыхнувшая румянцем девушка, которая залилась краснотой уже аж до шеи, хотела уже отбросить сжатую в руках пакость и убедить спутниц в своей нормальности. Однако на беду в помещении появился вернувшийся с улицы Кей.

— Ай-ай, какие, вы, девочки, оказывается, проказницы, — широко усмехнулся он. — Возьмёте меня в компанию? И, если что, лучше нам перебраться в личные комнаты. Не дай боги на нас кто-то из старших офицеров наткнётся.

— Да ты! Да ты... — захлебнулась словами рыжая, что от столь ошеломительной наглости даже потеряла дар речи. — Идиот! Паршивый придурочный извращенец! Да я знаешь, куда тебе это засуну, дурака ты кусок?!

— Не-не, с этим не ко мне, — замотал головой шутник. — Нехорошо лишать своего покорного слугу последнего святого, что у него осталось! Я в другом виде поучаствовать хотел.

— Ах, поучаствовать? — от Акиры повеяло ощутимой жаждой убийства. — Сейчас ты у меня поучаствуешь-ш-шь! — прошипела девушка и, яростно размахивая упруго мотающимся из стороны в сторону подаренным «оружием», бросилась на своего кавалера.

— Ай-ай! Не по голове! И, вай, не по лицу! Ты же не хочешь, чтобы у твоего парня остались следы от ударов резиновым членом?

— Р-р! Я тебе его сейчас в задницу запихаю! — доносилось ему в ответ.

— Помогите! Насилуют! — с преувеличенным ужасом завопил парень и, заполошно размахивая руками, бросился вниз по лестнице.

— Мне кажется, или им обоим это нравится? — спросила у спутницы блондинка.

— Не кажется, — усмехнулась ей Сена. — Но в этот раз нашу рыжую искорку на самом деле взбесили. Если этот клоун рассчитывал на бурную ночь, то это он зря. Ближайшую неделю ему, кроме болючих побоев, ничего не видать. И поделом! Хотя... я уже предвкушаю, какие о нас пойдут сплетни среди местных солдатиков. Те, которые с нами давно, уже, наверное, им нарасказывали. А тут ещё такое! Хи-хи.

— Да. Не думала, что он скатится в такие извращения, — покивала головой Анна, с интересом разглядывая оставшееся содержимое посылки. — И ты правильно сказала про сплетни. Скоро наша Акира станет знаменитой, хи-хи-хи. И... наверное, нам нужно забрать это, пока сюда никто не пришёл, — потыкав пальчиком в коробку, сказала порозовевшая лучница.

— Конечно! — с готовностью поддержала любительница кинжалов. — Понесли ко мне. Заодно посмотрим, что там есть ещё интересенького.

По дороге они встретили Куроме, на лице которой при желании можно было прочесть выражение злобенькой радости. Номер один окинула насмешливым взглядом их добычу, выслушала «жареные новости» от прямо-таки распираемой ими Сены и, похмыкав без особенного удивления, отобрала у Анны своего кролика.

— Мечь сладка, — одними губами произнесла брюнетка, когда отдалилась от парочки любопытных особ. На её губах проступила злорадная улыбочка.

* * *

— Летать — классно! — спрыгнув с зависшего впритирку к земле Коврика, довольно воскликнула Сена. — И зверь у тебя классный, — потрепав небесного ската по краю тёплого, чуть шершавого плавника, сказала она. — Знаешь... — девушка с наигранной задумчивостью приложила палец к губам, бросив на меня хитрый взгляд пурпурных глаз. — Пусть ты отказалась вступить в мой гарем, но... Если ты будешь регулярно катать меня на этом красавце и той быстрой птице, то я согласна вступить в твой!

— У меня нет гарема, — равнодушно отозвалась я, отозвав Коврика и, поглаживая Люца, начала неторопливый путь к воротам виднеющегося в некотором отдалении города.

— Какие твои годы? — подмигнул мне Кей, состроив пошлую улыбку.

— А ты вообще заткнись, поганый извращенец! — под смешки остальных треснула его Акира.

— Да не я это! — возмутился несправедливо оболганный шутник. — Не я прислал те весёлые игрушки! Чтоб мне всю жизнь мангу с цензурой читать, если вру!

Тресь!

— Ай-ай! А это за что?! Что за странные наклонности бить бедного меня по голове?!

— Потому что нечего тут мне кривляться и обманывать! Извращенец, — припечатала рыжая, что ни на секунду не усомнилась в своей позиции, несмотря на все заверения Кей Ли в обратном.

Репутация любителя обидных и не очень приколов — она такая. Сперва заработаешь её, не покладая, гм, рук, можно сказать — в поте лица. А потом не отмашешься от последствий.

Кей обиженно надулся и начал жаловаться на несправедливую жизнь и «жестоких садисток», скрывающихся за обманчивым фасадом на первый взгляд милых и добрых девушек. И вообще, может быть, кое-кто сама приобрела коробку с «инструментами греха» и заказала её доставку, а потом, когда свидетели застали врасплох, решила свалить вину на многострадального парня. Да-да, проницательного Кей Ли не проведёшь! Поэтому нечего издеваться и наговаривать! Ему, между прочим, и так нелегко: как представит, что Суровая Госпожа собиралась сделать с его беззащитным телом, так внутри всё сжимается. Он даже спит плохо!

Акира, подзуживаемая комментариями вроде как поддерживающей её Сены — на самом деле лишь разжигающей «веселье» — краснела, бесилась и с ещё большим энтузиазмом лупила своего «страдающего правдоруба». Шутник же с готовностью вскрикивал и жаловался на проклюнувшуюся в ней жестокость, суровость и склонность к физическому доминированию. Но он, непокобелый Кей Ли-сама, не позволит подвергнуть свои нежные и ранимые булки жестокому надругательству! И бить его бесполезно! Да! И по голове тоже! И даже по... хотя нет, туда бить не надо! Это не в интересах самой Акиры. И вытягивать катану из ножен тоже незачем. Кей категорически против гуро! Особенно с ним в главной роли!

Цирк, да и только!

Хорошо, что парочка острословов правильно восприняла мою угрозу (а я обещала выкинуть их из летающего транспорта и заставить бежать вслед за ним пешедропом, если будут надоедать нормальным людям), так что во время полёта вела себя тихо. Ну, тихо для таких персонажей, как Кей и Сена.

Впрочем, в силу того, что, кроме участвующей в «представлении» Сены и с интересом наблюдающего за происходящим Бена — стриженного под горшок любителя поглазеть на любой переполох — никто из нас не стал ждать скандалистов, те достаточно быстро успокоились и нагнали возглавляемую мною процессию.

Сладкая парочка любителей перебранок шагала молча, изображая обиду. То есть изображал Кей, Акира действительно злилась; однако, учитывая её вспыльчивый, но отходчивый характер, сие мало что значило.

Зато Сена идти молча не собиралась и, покрутив головой, безошибочно «навелась» на меня.

— Слушай, Куроме, подруга сердца моего. Ты же говорила, что мы останавливаемся в большом городе, так?

— Да. Если верить описанию, то здесь один из торговых узлов. Мы специально высадились на безлюдной дороге, но тут всё равно кто-то ездит, — махнув рукой на виднеющуюся в отдалении телегу, сказала я. — Думаю, каждый из вас найдёт, чем себя занять на сутки остановки.

— Да я не об этом, — мотнула головой миловидная фиолетововласая девушка в чёрном пальто и красном шарфике с вышитыми на нём белыми снежинками. — Я тоже листала бумаги и карты. Просто интересно, чего это мы за стенами выпрыгнули, а не полетели к воздушному причалу. Когда был жив генерал Билл, то он всегда так делал. И Семёрка с их Гозуки, если летала, на причалах останавливалась. А ты теперь тоже важная офицерша и чуть ли не подружка Императора. Чего скромничать?

— Просто у Билла, Гозуки и остальных не было Яцуфусы, — отвечаю с усмешкой. — Живые воздушные монстры нуждаются в специальном месте, еде и уходе, а Коврик — нет. И он всегда со мной, — пройдясь пальцами по рукояти оружия, сказала я. — Да и не настолько я важная. А насчёт твоих сомнительных намёков на мои отношения с Императором, Будо, Сайкю, Онестом и... — кого там ещё ты приплетала? — я уже ответила и повторяться не хочу.

— У-у, тоска! — наша любительница кинжалов и тихих убийств скорчила расстроенную гримаску. — А я так хотела покрасоваться, — протянула она. — Представь: крутой летающий зверь медленно опускается в городе, — девушка широко взмахнула руками, как бы

иллюстрируя этот процесс, — слуги бегом подносят приставную лестницу. А по ней важно снисходим красивые мы! Очаровательно же! Романтика!

— В городе начнётся шумиха, на нас станут пялиться и будут долго обсуждать, — продолжил за неё Хан. — А если здесь потом придётся работать? Нас с твоей романтикой запомнят и узнают в самый неподходящий момент.

— Зануда, — фыркнула его подчинённая. — Всё равно на Севере придётся светиться. Может, про нас тоже напишут в имперских газетах, как про группу А на северо-востоке... да, а типографии мятежных провинций напечатают ориентировки с портретами. Что значит маленькая девичья радость по сравнению с этим?

— Маленькая девичья радость от тебя никуда не убежит, — отвечаю проныре. — Но пока я придерживаюсь позиции Хана, — тихий хмык. — Не думала, что у тебя, с такой-то специализацией, есть склонность притягивать внимание посторонних.

— А что специализация? Я, наоборот, чаще всего скрываюсь на виду. Все смотрят, но до последнего, хи-хи, момента не видят, — девушка хлопала по рукояткам скрытых под одеждой кинжалов. — Смотреть в удивлённые, расширенные от страха и осознания глаза цели — самая интересная часть!

— Ясно всё с тобой, горлохватка. Потом, на обратном пути покрасуешься.

— Обещаешь? — Сена резко развернулась и, положив руки на мои плечи, приблизила свой пронырливый носик к моему лицу так, что тот почти уткнулся в мой.

Чуть отстранившись, пожимаю плечами.

— Обещаю. Если не произойдёт ничего экстраординарного, конечно. А пока хватит нас задерживать, идём. Вот, держи, можешь для успокоения потискать пушистика, — передаю Сене любимца всех девушек Отряда (ну, и части парней, хоть они в большинстве своём и не признаются).

Наш вылет из Столицы состоялся ещё вечером вчерашнего дня, так что сегодня утром, когда по бумагам сборная (группа А и группа В) команда из десяти человек должна отбыть, мы уже преодолели внешнее кольцо стен столичного округа и остановились неподалёку от близлежащего города.

Зачем спешка и своеобразный экстрим с ночными полётами?

По официальной версии мне требовалось слетать к одному из армейских складов, где можно на полуофициальной основе разжиться взрывчаткой, гранатомётами и автоматическим оружием. Первую мы собирались использовать сами, а гранатомёты и пулемёты с автоматами предполагалось передать дружественным войскам, сформированным под нас диверсионно-разведывательным группам (я несколько сомневалась в дружественности местных армеутов, а поддержка мне бы пригодилась) и сепаратистам внутри Северного королевства. Впрочем, последние обойдутся и простыми винтовками, которые получают не в дар, а купят. Пусть на данный момент эти силы и враг моего врага, но друзьями с разбойничьими горскими племенами нам не бывать.

На деле озвученная для ребят версия не совсем правдива. Склад взрывчато-стреляющих штук уже находился в пространственном кармане, а я направляюсь на встречу с сестрой. Да-да, именно склад: помня, что мы собираемся на самую настоящую войну, и руководствуясь мудрой армейской мыслью о том, что много боеприпасов (а также оружия и взрывчатки) не бывает, я весьма чувствительно нагрузила Хрустика.

Тысячи единиц оружия, миллионы патронов и десятки тонн взрывчатки, как мне думается, лишними не окажутся при любом раскладе.

Ну, а чего? Бумага от Сайкю, завизированная соответствующими инстанциями в минобороны есть? Есть! Конкретного перечня оружия нет? Нет. Зато есть приказ выдать всё, что попросят. Вот я и «попросила» всё, что удалось выцарапать у складских. Я бы и несколько дальнобойных гаубиц или РСЗО с ракетами взяла — но увы мне, такого не нашлось. А обдирать другой склад — это уже чрезмерная наглость, которая, помимо прочего, способна привлечь ненужное внимание сверху.

Кроме оружия прямого боя в закромах одной доброй волшебницы завалялись и более подлые творения алхимии. Нет, это не об автодоках и компактном экстракторе праны. И даже не о разного рода ядах, которые тоже при мне имеются. Я говорю о катализаторе для производства одного мерзенького наркотика, что мой алхимик получил во время работы над одним из своих

проектов. Его я планировала распространить (если всё же решусь использовать) по столице и важнейшим городам Северного королевства через каналы связи, налаженные с тамошней преступностью через «Северо-Западную» финансовую пирамиду.

Один грамм каталитического средства на килограмм иных составляющих, доступных в свободной продаже, несложные манипуляции (сложные были проведены для получения алхимического катализатора) — и вуаля: через небольшой срок у дельца появляется около килограмма довольно мощной и очень дешёвой наркоты.

Причём данная пакость, по своим фармакологическим свойствам близкая к амфетаминам, на первый взгляд не слишком опасна. Напротив, очень даже полезна: подстёгивает разум, повышает работоспособность (в том числе выносливость, силу, ловкость и способность к концентрации), улучшает настроение, не вызывает привыкания...

Физического... в первое время.

Почему этот бюджетный вариант сыворотки суперсолдата признан негодным для использования бойцами Синдиката? Потому что есть подвох, к тому же не один:

Для начала — отсутствующую зависимость тела на первых порах заменяет весьма сильная зависимость психики: мало кому нравится обратное превращение из остроумного почти сверхчеловека в серого обывателя.

Во-вторых — зависимость всё же вырабатывается. Пусть не сразу, но зато убийственно сильная.

В-третьих — наркотик постепенно снижает способность к сопереживанию, повышает агрессивность и расшатывает психику. А ещё он довольно быстро иссушает запасы организма, за счёт которых наркоман становится сильнее и умнее себя обычного.

В четвёртых — после определённого срока приёма «Джокера» — так я решила назвать творение Пауля — синдром отмены вызывает те же симптомы, что и его длительный приём. То

есть, если лишить наркомана дозы через пару декад, то он с высокой долей вероятности станет точно таким же агрессивным безумцем, что и тот, который употребляет «Джокер» месяц или два. Вся разница в том, что второй будет намного сильнее и умнее первого.

И лечить любителей «Джокера» практически бесполезно. Наркотик накапливается в нервных тканях и без дорогостоящей процедуры детоксикации практически не выводится. Да и с ней... «Джокер» ядовит: по расчётам, десять дней приёма данной дряни, можно приравнять к сокращению срока жизни лет на пять. Да и последствия для ЦНС придётся лечить долго и очень-очень дорого.

Это — в пятых.

Страшная штука, на самом деле. Особенно если вбросить её массово, распространив сразу через множество источников. Десятки и сотни тысяч наркоманов, прельщённых дешёвизной новинки и интересным «приходом» от неё, которые спустя месяц превращаются в безумных — но притом отнюдь не тупых — и не страшящихся гибели диверсантов, что сеют смерть и хаос просто потому, что хотят и могут... Сколько «веселья» они способны принести? Достаточно, чтобы, если хорошенько об этом задуматься, мороз по коже пробежал даже у меня. А потом, когда надобность в них отпадёт, эти пародии на одного знаменитого в ином мире злого клоуна — успешно самоликвидируются.

Настоящее ОМП! Теперь я чуточку лучше понимаю, почему не любят и опасаются алхимиков.

По идее, подобная социальная бомба, совмещённая со схлопыванием уже сейчас довольно неплохо раздувшегося пузыря финансовой пирамиды, вызовет впечатляющей силы шторм среди народных масс Северного королевства. Тем самым я не только сокращу очень многочисленную армию северян, которым придётся отводить часть войск для подавления внутренних беспорядков, но и брошу тень на «западных друзей» сепаратистов. Ведь Западный союз — далеко не единое образование и тамошние Священные семьи очень даже не прочь подкинуть проблем конкурентам, так что подобная провокация, как продолжение внутренних интриг западников — вполне вероятный, до дрожи правдоподобный сценарий.

Если сюда добавить ряд удачных — и запланированно провальных, если речь о местных аналогах Кокэя — покушений на ключевых деятелей местных властных группировок, то может получиться весьма занимательная (и завлекательная для моей тёмной половины) картина кровавого хаоса и безумия.

Впрочем, не уверена, что вообще стану применять «Джокер»: не люблю наркоту и убийства невинных. Наркоманов, конечно, не жалко: их, в отличие от нас, на всякую гадость никто не сажал, сами в себя пихают, а значит — туда и дорога. Вот только жертвами «безумных клоунов» станут в большинстве обычные люди, пусть граждане ныне враждебного государства, но... временно враждебного. Да, я надеюсь, что в конце концов Северное королевство станет частью Империи, но в то же время уверена, что победить в войне и просто помириться с Севером у Империи не получится. Не в ближайшее десятилетие. Как не получится и окончательно погасить конфликт, просто выбив самых воинственных. В каноне Эсдес это успешно практиковала, но в финальной битве всё равно участвовало достаточно северян.

То есть массовые расправы не сломили граждан этого сурового края, только озлобили. Для моих планов это неудобное свойство, но вместе с тем трудно не восхищаться подобным упорством.

Если подытожить: подходя к ситуации рационально, устроить смуту на территории противника — шаг логичный и эффективный. Тем более что спустя несколько лет Империя может протянуть руку помощи одной из фракций, таким образом, получив более-менее лояльное правительство во главе нахлебавшегося независимости государства. Но... без крайне серьёзной причины применять фактически оружие массового поражения мне всё же не хочется. Предпочту ограничиться более конвенционными средствами. Даже не из моральных соображений — какая мораль у пусть старающейся держать себя в рамках, но убийцы и карателя? Если припрёт, и я сочту это оправданным, то ещё и не такое устрою — нет, главная причина в ином.

Для начала, использование алхимии подобного сорта вызовет множество вопросов у всех сторон конфликта: и у Империи, и у северян, и у западников, интриги которых якобы станут причиной случившегося. То есть рыть будут все и тщательно. А коли так — роющие могут и отыскать какие-то из не замеченных, плохо зачищенных концов. Не думаю, что начальство, если узнает о личности виновницы глобальной диверсии, так уж меня осудит, но в итоге интерес от Сайкю и Онеста мне обеспечен. Со всеми неприятными последствиями, из него вытекающими.

Да и Акаме меня прибьёт, если узнает. А я и сопротивляться-то толком не смогу. Да и не захочу. Скорее, понадеюсь, что за наказанием последует прощение. Если последует. Тот самый случай, когда даже в идеальном варианте саму себя простить будет непросто...

Нет уж! «Джокер» — средство на самый крайний случай!

И раз уж разговор зашёл об Акаме, то стоит сказать, что я таки решилась познакомить её с родителями и младшей сестрёнкой. Безусловно, у подобного шага имеются свои минусы. Тут и повышение шансов на раскрытие наших с сестрой личностей перед родителями, всё же портреты «Кровавой Акаме» мелькают и за пределами Столицы, и вероятность того, что о существовании наших родных узнают те, кому не надо (Акаме не склонна болтать, но мало ли?). А ещё слуги могут начать распускать слухи о дочках своих хозяев, кои являются настоящими воительницами и которых по оч-чень интересной случайности зовут Акаме и Куроме.

Однако эти и иные риски можно снизить или вовсе убрать, а дальше начнутся уже плюсы. Если меня убьют, то я хотя бы буду уверена, что о семье позаботится сестра. Ну, или, рассматривая менее пессимистичный сценарий, наличие множества кровных родственников — а не одной меня, ещё и по иную сторону баррикад — привяжет Акаме к конкретным близким и их благу, а не тому абстрактному, которое революция якобы несёт простому народу.

Не то чтобы у стремлений РА не имелось здравого зерна: то же повышение значимости региональных центров с организацией локальных производственных объединений выглядит лучше, чем нынешнее положение дел, где Столица, словно жадный упырь, сначала выкачивает все средства из провинций, а потом «отрыгивает» часть в виде прилетающих обратно подачек. Но то, как они хотят этой цели добиться, грозит скорее сделать хуже, разорвав Империю на кусочки, а то и вовсе уничтожив. Нет уж! Пусть лучше глупая старшая сестра заботится о родителях и младшей сестрёнке, чем прорубает кровавую тропу к сияющему в отдалении болотному огоньку «всеобщего блага».

Впрочем, последнее сработает только в том случае, если они — Акаме и родители с нашей младшенькой — друг другу понравятся.

А ещё, помимо рациональных целей, мне очень сильно хотелось посмотреть на Акаме и Рейку, сидящих вместе! А лучше — их потискать! Нарядить старшую сестру в красивое платье, посмотреть, как она смущается в непривычной обстановке, быть может, самой её посмущать... Как во время прошлой встречи... Кхм, в общем, следовало поторапливаться. Мне ещё нужно долететь до предместий Столицы, а сестра... — взгляд на выуженные из кармана памятные золотые часы, некогда затрофееные у бывшего босса Счетовода — должна уже преодолеть четверть пути до точки randevu. Да уж, наверное, я всё же зря перестраховывалась, приземлив Коврика так далеко от города.

С другой стороны, мы заранее определились с местом остановки, так что острой необходимости сопровождать товарищей до гостиницы, а потом помогать им заселяться — у меня нет. Достаточно и того, что я ритуально провожу всех до городских ворот, а потом убегу

по своим делам. Не думаю, что кто-то обидится на такой манёвр.

Ну, кроме одной актрисы погорелого театра.

— Как же так?! После всего, что между нами было, ты хочешь... просто меня оставить?! — привлекая внимание скучающих стражников, воскликнула пурпуровласая девушка, трогательно прижимающая к себе белого кролика.

— Сена...

— Да, Сена! Девушка, сердце которой разбито твоею рукой!

Стражники перестали зевать и начали переговариваться, с любопытством переводя взгляды с меня на эту вредную проныру. К удовольствию последней, да. Вот ведь Кей в юбке! Всё-таки сумела покрасоваться перед посторонними, пусть и в таком сомнительном представлении. В конце концов, я просто отмахнулась от «оставленной возлюбленной», роль которой та усердно отыгрывала — впрочем, без конкретных указаний именно на такую привязанность — и, махнув рукой на прощание, двинулась в противоположном направлении.

Одёргивать соратницу я не пыталась. Да, меня это раздражает и в целом Сена неправа: как ни крути, а привлекать лишнее внимание перед миссией — это крохотный, но риск. Однако плюсы от проявления выдержки перевешивают минусы. Ведь выступает наша проныра не просто так, а из желания окончательно убедить себя в изменении статуса. То есть разумом она прекрасно понимает, что ныне является вполне себе настоящим офицером разведки со всеми сопутствующими правами и обязанностями, обстановка внутри Базы тоже поменялась, особенно если говорить о новых служащих, а не офицерах-старичках, которым перемены словно серпом по одному месту, но...

Знать — не означает понимать.

Так что за выходками соперницы Кей Ли за звание главного шутника мне слышалось недоверчивое: «Я что, правда, теперь имею какие-то права? Правда-правда? И даже если буду

чуть-чуть мешать миссии, меня не накажут?». Группа А взирала на сие с некоторым превосходством, а вот команда Хана и сам её лидер испытывали чувства, сходные с эмоциями Сены — и внимательно смотрели на мою реакцию. Тоже хотели подтвердить или опровергнуть свои ожидания, пусть сами действовать и не желали.

Раз уж момент назрел именно сейчас, то пусть и выплеснется всё накопившееся до того, как мы прибудем на место и напрямую приступим к выполнению задания. Думаю, когда я вернусь, эта выразительница чувств группы В перебесится и успокоится. Ну, а если нет, то с ней всё же придётся провести пояснительно-воспитательную беседу.

***

Сидя на стволе поваленного давней бурей дерева, которое очень удобно упало ровно под разлапистой кроной второго, Акаме смотрела в небо, в ту сторону, откуда должна появиться сестра, и нервно грызла очередной питательный батончик из прихваченных с собой запасов.

То есть со стороны никто бы не заподозрил девушку с очень спокойным лицом, отстранённо рассматривающую небо, в том, что она, оказывается, нервничает. Однако саму себя внешним безразличием не обманешь. То есть можно подавить эмоции и буквально изгнать все лишние чувства и мысли из разума, но... молодая революционерка этого не хотела.

Мысли Акаме путались, а чувства противоречили друг другу.

Желание увидеть родителей и, как сказала Куроме: «Такую похожую на тебя нашу самую младшую сестрёнку», — мешалось со страхом оказаться отвергнутой. В унисон страху звучала обида на родителей, которые когда-то отказались от них с младшей сестрой, а потом завели нового ребёнка. Понимание своей неправоты — Куроме говорила, что их пытались спасти от голода хотя бы таким способом, да и сама девушка что-то такое помнила, пусть и очень смутно — окрашивало обиду в цвета стыда, а он, в свою очередь, будил нежелание сталкиваться с источником подобной бури противоречий. Тейгу, чей безмолвный шёпот, подло маскирующийся под её собственные эмоции, девушка теперь ни с чем не перепутает, лишь раздвигал это нежелание, пытаясь исказить его в странные и страшные формы.

Тщетно. Воля бывшей имперской убийцы, что теперь ясно ощущала врага, легко подавляла не

принадлежащие ей мысли.

Она ведь действительно очень хотела вдвоём с Куроме отправиться на встречу с семьёй (казалось бы, давно и навсегда потерянной)! Ведь Элитная Семёрка, члены которой когда-то стали для неё практически братьями и сёстрами, а глава и наставник заменил отца — более не существует. И сама Акаме приложила к этому руку, некогда в смертельной схватке убив наставника Семёрки, с оружием в руках пытавшегося остановить попытку Алоглазой оставить ряды Империи. А потом она лишила жизни и Цукиши — сокомандницу, которая попыталась отомстить за лишённого жизни отца-наставника.

Нельзя сказать, что Акаме действительно хотела убить милую и по-человечески тёплую девушку-стрелка, которая просто выбрала не подругу, а семью в лице Гозуки и остальной команды. Отнюдь нет! Тут скорее был виноват проклятый клинок Мурасаме, коварный шёпот которого и сделал своё чёрное дело. Ведь она не хотела убивать ни Гозуки, ни подругу, с которой они вместе росли и за это время стали как сёстры! Просто приёмный отец не оставил ей выбора, а с Цукиши произошла... случайность. Акаме не хотела, но...

Реальность такова, что она всё-таки убила тех, кого любила. Пусть и защищаясь.

Теперь их команда, их странная «почти что семья» исчезла. Большая часть погибла, двое живы, но пропали в неизвестном направлении. И Акаме, которая пусть невольно, но нанесла добивающий удар — осталась одна. Даже младшая сестра стала её врагом.

Ей было больно. Очень.

Девушка на несколько секунд отвела взгляд от неба, чтобы проморгаться от «залетевшей в глаз соринки».

Отголоски тех событий по сию пору царапают не зажившее сердце, тревожа незримые раны внешне холодной убийцы с кроваво-алыми глазами. И шанс на то, что у неё в этом мире осталась не одна лишь Куроме, с которой они тоже чуть не стали смертельными врагами и примирились не иначе как чудом... Он задевал многие струны её измученной души, заставляя сердце биться быстрее.

...И он же порождает страх быть отвергнутой, запуская весь цикл переживаний заново.

Наконец, в отдалении, высоко в небе, из-за облаков вынырнула небольшая, обманчиво неторопливая точка, что по мере приближения обретала очертания крупной птицы, стремительно режущей слои воздушной стихии. По мере приближения летающего монстра стали проявляться и очертания сидящей на его спине всадницы. А спустя пару минут Куроме спрыгнула с закреплённого на пернатом седла и стремительно двинулась навстречу Акаме, которая вздохнула с облегчением, только увидев ездового монстра (ведь любимая сестра избавила её от тяжёлых мыслей) и радостно шагнула вперёд.

— Куроме, я рада тебя видеть, — едва заметно улыбнулась она, делясь с сестрой всей бурей преодолевающих её эмоций одним взглядом... и небольшими изменениями в плотно приставшей к лицу холодной маске.

Встретившись взглядом со старшей сестрой, младшая ничего не сказала: тёмные глаза юной эмпатки отразили беспокойство алых, вернув обратно спокойную уверенность и поддержку, а сама миниатюрная убийца шагнула к Акаме вплотную и молча её обняла. Ведь поймавшая грустинку старшая сестра нуждается в осязаемом доказательстве того, что она не одна. А ещё ей самой очень приятно обнимать любимого человека.

— Летим? — спустя некоторое время спросила Куроме.

— Да, — коротко, но значительно увереннее и спокойнее ответила Акаме. — ...Спасибо, — добавила она после некоторого промедления.

Уверенность и молчаливая поддержка Куроме очень хорошо помогли прийти в себя и успокоиться. Будто на несколько минут они вернулись в прошлое и поменялись местами, и Акаме обратилась младшей сестрой, что в поисках поддержки так трогательно держалась за руку старшей. Обычно скупая мимика убийцы, привыкшей прятать эмоции, стала оживать, и девушка подарила Куроме ещё одну улыбку.

— Да, сестра, я тоже тебя люблю, — прекрасно расшифровав молчаливый посыл, ответила та, и действительно потянулась к ладони старшей родственницы, чтобы крепко её сжать.

Взявшись за руки, девушки направились к огромному пернатому хищнику тёмно-синего, отливающего металлом цвета. Вскоре Раух, вновь поднявшись в воздух, снова превратилась в небольшую точку, что скрылась за облаками. Теперь уже с двумя всадницами на спине.

* * *

— Ну-ка повернись, — скомандовала я Акаме, придирчиво разглядывая результат своего труда.

— Это на самом деле нужно? — послушно крутнувшись на месте, спросила сестра.

— Нужно-нужно, — уверила девушку я. — «Кровавая Акаме» знаменита не только в стенах Столицы, но и в городах, а также прочих поселениях столичного округа. Тут, конечно, глубинка, а поместье родителей так и вообще в стороне от всех основных дорог; но газеты, где тема убийц из Ночного Рейда снова стала популярной, добираются и туда. А в газетах встречаются интересные портретки. Не хотелось бы пугать семью и вводить слуг в искушение, соблазняя получением награды за донос. Их всех предварительно проверили и более-менее контролируют, но если есть менее рискованный вариант встречи, то лучше не рисковать.

— И ты считаешь, что косметика, украшения и новая причёска — это хорошая маскировка? — подойдя к зеркалу, недоверчиво поинтересовалась Акаме.

— И новая одежда, — добавила я, стряхнув почти невидимую пылинку с надетого на сестру платья.

— Неудобное, — пожаловалась девушка, проведя рукой по длинной и достаточно узкой юбке, хорошо очерчивающей её бёдра и попу. — Я не смогу в нём сражаться.

Надо сказать, что в бордовом платье, с длинными чёрными волосами, заплетёнными и уложенными в сложную причёску и украшенными двумя роскошными золотыми заколками с крупными рубинами и бриллиантами, сестра смотрелась чудо как хорошо. Даже то, что причёска на самом деле не слишком сложна (всего несколько уроков у профессионального

парикмахера и гримёра позволили освоить с десяток подобных, а также добавить в арсенал ряд неочевидных женских хитростей) и, вероятно, не идеальна, на общий вид не слишком влияло. Ушки тоже не остались без драгоценных аксессуаров: их украшали серьги на клипсах, что позволило обойтись без проколов. А на шее темноволосой красавицы, равнодушной к драгоценностям — уж точно не воительницы и не убийцы — висел обманчиво скромный кулон, также входящий в комплект.

Впечатление образ создавал... сногшибательное. Так и хотелось задержаться в заранее арендованном домике, дабы насладиться им в полной мере и всеми возможными способами!

Нет, не зря я затрофеила данные украшения у семейства нехороших северо-восточных аристократов. Всё же те блестяшки, что добыты ещё у Кукольника — бывшего босса Счетовода — заметно уступали данному приобретению, что создавалось словно бы именно для Акаме. Для её бледной кожи, длинных вороных волос и затягивающих алых глаз.

— Так и должно быть, — кивнула я, мимолётно глянув в зеркало и на своё отражение: моя одежда выглядела менее броско, но по стилю вполне соответствовала наряду, приобретённому для возлюбленной сестры. — Люди в основном ориентируются на общественные ярлыки. Увидев роскошно одетую молодую супругу богатого аристократа, никто не подумает, что она — замаскированная революционерка, даже если заметит некоторое сходство с печально знаменитой убийцей, — Акаме едва заметно, но очень мило надулась, видимо, изображать жену классового врага ей не слишком нравилось. — Скорее, покачают головой на странное совпадение — и забудут. Тем более в этом платье тебе будет непривычно и неудобно двигаться — не забудешь о новой роли. А чтобы ты не хваталась за отсутствующий меч — вот, держи ещё сумочку.

Акаме посмотрела на меня грустными глазами.

— А может...

— Нет, Мурасаме останется в карете. Как и моя Яцуфуса, кстати. Не переживай, это только на первый раз — чтобы все увидели тебя такую и создали нужный образ у себя в головах. Потом можно будет появляться и в одежде попривычней, попроще.

На самом деле те, в чьей верности или способности держать языки за зубами имелись какие-то сомнения — всех проверяли, но некоторых лучше, а других хуже — заранее отправились отдыхать/работать за пределами поместья/по поручению в близлежащий город и так далее. По сути, впечатление создавать требовалось только перед семьёй, а им такие наряды а-ля «званный вечер во дворце одного из лордов» непонятны и даже чужды.

Да, можно было одеться дешевле и утилитарней, но... помимо прочего, я просто очень хотела нарядить сестру, чтобы полюбоваться на неё в таком виде.

Ну, и немного потроллить саму пламенную революционерку заодно с её собратом по разуму.

Акаме с Джином, как мне представляется, на одной волне — но, увидев сестру в облачении «представительницы прогнившего дворянства», приёмш может опять начать задираться и... найти поддержку в лице представительницы «классового врага».

Вышло бы забавно!

— Хорошо, — тем временем ответила алоглазая убийца, что даже не подозревала о коварных планах, зреющих в моей голове. — Чувствую себя, будто стала младшей сестрой, — едва заметно улыбнулась она.

Что ни говори, но пусть Акаме и себе на уме, но в то же время она по складу характера, скорее, ведомая. И ощущение себя в позиции «младшей» её вполне устраивало, даже несмотря на влияние тейгу. Ну, ровно до тех пор, пока дело не касалось её любимой борьбы за общее благо и прочих странных фетишей.

* * *

Первой карету, заехавшую на территорию поместья, увидела Рейка. Девочка, что с азартом гоняла мяч с детьми местных слуг, довольно настороженно отнеслась к господскому транспорту, запряжённому парой крупных, лоснящихся, породистых лошадей. Дети сразу же перестали играть и по сигналу Рейки укрылись за покрытыми снегом кустами: мало ли? Вдруг

старшая сестра приехала? Тогда нужно с восторженным визгом стремительно броситься её встречать — и упросить показать какие-нибудь крутые штуки!

Но когда из открывшейся дверцы, ступая по откидной лесенке, вышагнула очень важная и богатая госпожа в бордовом платье и белом полушубке, Рейка, привыкшая к тому, что от благородных не стоит ждать ничего хорошего — и забывшая, что теперь она и сама относится к данной категории — тут же бросилась к одному из запасных выходов нового, очень большого дома их семьи.

— Братик Джин! Братик Джин! — воскликнула девочка, увидев пятнадцатилетнего парня, с задумчивым видом несущего какие-то бумажки. — Там телега с чужой дворянкой приехала!

— Что? — дёрнулся вырванный из своих мыслей русоволосый парень. — Какая ещё дворянка на телеге?! — тут стопка бумажек выскользнула из-за неудачного взмаха расслабленной от отвлечения кисти и листики красиво разлетелись по всему широкому коридору. — А-а! Чтоб тебя черви съели! — выругался парень.

— А чего сразу меня? — надулась девочка. — Ты сам свои бумажки уронил!

— Не тебя, — отмахнулся приёмный брат. — Листы же по порядку лежали! А теперь... И с какого бодуна я папку не взял?! Чтоб эти бумаги и твоих дворянок лесные твари подрали вместе с их телегами! — тихонько ругался Джин, собирая разлетевшиеся — и не пронумерованные! — страницы. — И чего это за дворянки на обычных телегах катаются? Она сама так назвалась? Небось, мошенница какая. Ну-ка, пошли к нашим охранникам, уж они покажут всяким прохиндейкам!

— Ой! — девочка прижала руки ко рту. — Я перепутала! На карете, а не телеге! — затараторила она. — Красивая такая, с крышей и окнами. Почти как у принцесс из сказок. Красивее, чем наша! У нас простая, коричневая и даже окошко не открывается, а там с резными золотыми штучками, красивыми лошадьми и важным возчиком в хорошей одежде, — то ли для придания большего веса своим словам, то ли желая их проиллюстрировать, то ли просто от нервного возбуждения Рейка активно размахивала руками. — Я сначала подумала, что это сестрёнка Куроме в гости приехала. Но как увидела, что это чужая — сразу прибежала сказать!

— Дуй к родителям, а я посмотрю, что там за «принцесса» к нам прикатилась, — кое-как собрав бумаги, скомандовал Джин и двинул навстречу незванным гостям, явно намереваясь продемонстрировать уровень своей «радости» их появлению.

Он предполагал, что это всё-таки Куроме, которая зачем-то притащила с собой ещё одну богатейку, однако решил подстраховаться и позвать пару дюжих охранников, которые по совместительству помогали домашним слугам с (не слишком частой) физически тяжёлой работой. Ха! Кто бы ему сказал, что он, простой деревенский парень Джин — отчаянно бедный, как и почти все деревенские, и не менее отчаянно жаждущий справедливости — будет так легко рассуждать о своих охранниках и слугах!

...Словно он продался. Словно предал всё, во что верил.

Во многом именно из-за этого неприятного чувства юноша — или как он сам считал, молодой, пока неженатый мужчина — и недолюбливал нежданно-негаданно нарисовавшуюся приёмную сестричку. То есть он, конечно, испытывал огромное чувство признательности за то, что разбогатевшая родственница отыскала отца с матерью, которые для него стали едва ли не роднее настоящих родителей, не переживших неурожай и болезни. Был благодарен за её неподдельную заботу, благодаря которой еле ковыляющий и постоянно испытывающий боль отец вновь начал свободно ходить, а мать сызнова расцвела, обратившись совсем и не старой ещё, энергичной женщиной, но...

Эти же действия стали для него наглядной демонстрацией вопиющего неравенства.

Там, где крестьянин или рядовой горожанин, имевший несчастье заработать травму, может надеяться лишь на народные средства, собственное здоровье и родню, которая поддержит в нелёгкую пору (это ещё если поддержит! а то видал Джин и таких мироедов, что лучше пить горькую чашу доли сиротской, чем мыкаться у них приживалой!), богач просто обратится в дорогую больницу, где его полностью вылечат за какую-то седмицу. А то и просто выпишут лекарство...

Которое стоит, словно вся их деревня!

Да чего лекарство?! Когда он, насмотревшись на занятия вечно непоседливой младшенькой с

её невысоким и внешне безобидным, но на самом деле чудовищно сильным и быстрым наставником, сам загорелся стать воином духа и подошёл с этим вопросом к учителю Рейки... господин Алекс сразу согласился. Тренировки оказались тяжёлыми, но парень, который прекрасно помнил своё позорное избиение наглыми бандитами, был отлично мотивирован. И спустя пару седмиц у него начало что-то получаться. По крайней мере, заметно возросшая сила и ловкость не позволяли усомниться в том, что Джин развивается. Господин Алекс утверждал, что пока укрепляются исключительно мышцы, а Джину предстоит тренироваться ещё не одну декаду, дабы прорвать предел на пути становления Неофитом — однако он его определённо преодолет.

Когда удивлённый и воодушевлённый парень спросил: если всё так легко и быстро, то почему так мало воителей? — рассмеявшийся наставник тут же назвал стоимость тех мазей, которые убрали боль, ускорили заживление травм и подстёгивали формирование правильных мышц, добавок в еду и благовоний, что вступали в синергию с эффектами мази и помимо этого улучшали память с концентрацией, а также иных средств, которые использовал его новый ученик.

Джин впечатлился.

А потом обманчиво маленький и хрупкий воин духа озвучил стоимость алхимии, которая потребуется обделённому особыми талантами парню для перехода на ранг Ученика в ближайший год-два, а не через двадцать лет. Джин был ошарашен. Порядок сумм для становления Адептом и вовсе ужасал. Обычно стремящиеся к подобным вершинам бедные, обделённые личной гениальностью воители становятся охотниками на чудовищ, чтобы добыть хотя бы часть ингредиентов самостоятельно.

Сколько же золота потратила эта мелкая самоуверенная девчонка — его сводная сестра — если даже могущественный воин духа, которому Джин рассказал о фокусе с обычной бумажкой, разрезающей чашку, отзывается о воительнице, способной проверить такое, с неподдельным уважением? Сам парень не слишком понимал, что необычного в этом фокусе, наставник Алекс показывал вещи в сто раз круче — но на всякий случай сделал вид, что тоже впечатлился.

Сколько простых людей они обделили, чтобы одна-единственная прислужница дворян вкусно ела, сладко спала и вдобавок обрела такую силу? В то, что изнеженная девчонка с гладкими ладонями и тонкими пальцами, никогда не знавшими настоящего труда, охотилась на основных фигурантов леденящих душу страшных сказок — лесных тварей — Джин не верил. А сколько тогда тратит неведомая покровительница Куроме, если она способна позволить себе такое?

И за какие такие заслуги? Просто за то, что родилась в правильной семье?

В рассуждениях доморощенного поборника правды и справедливости имелась заметная толика лицемерия: ведь Джин и сам теперь вкусно ел и сладко спал, превратившись из крестьянина в самое настоящее «благородие», притом не думая от этих благ отказываться. Но он оправдывал себя тем, что они вместе с управляющим действительно пытаются улучшить жизнь простых людей, трудящихся в подконтрольных деревнях. Притом забывая, за чей счёт сие происходит — и кто именно нашёл такого честного, готового стараться не за страх, а на совесть управляющего, которому и самому интересно реализовывать всякие рационализаторские идеи, а также учить своего новоявленного последователя в лице хозяйского сына.

Джин об этих моментах старался не думать, однако подсознательно их признавал, поэтому его неприязнь не переросла в нечто большее. Но и особенной симпатии к послушной исполнительнице воли зажавшихся и прогнивших дворян он не испытывал.

Таким образом, когда молодой человек вышел на ступени, ведущей к парадным дверям лестницы, настрой его был далёк от любезного. Однако все саркастичные замечания, все господские обзывательства — вежливые по форме, но обидные по сути, что Джин тщательно запоминал, готовясь к встрече с острой на язык «якобы старшей» сестрицей, которая любила с ним попикироваться, застыли у юноши на языке, когда он увидел «чужую дворянку». На Куроме, стоящую рядом с эффектной девушкой в распахнутом полушубке и бордовом платье, которое прекрасно подчёркивало крутые изгибы, изящно плывущей над дорогой (на самом деле — опасаящейся запутаться в слишком узком и неудобном подоле, а потому осторожничающей) влюбчивый парень никакого внимания не обратил.

Подумаешь, приехала в гости! Она вроде бы присылала какое-то письмо с предупреждением. Какое это имеет значение, когда рядом такая красавица?! Он даже не заметил схожесть лиц двух стоящих рядом девушек. Потому что, ну как можно сравнивать мелкую и плоскую на вид почти девочку с обладательницей таких больших... э-э, выразительных алых глаз.

Мысли в голове путались.

И почему он вышел на улицу в повседневной одежде? Что о нём подумают?! Нужно срочно привести себя в порядок! И что сказать? Его ведь учили, как надо приветствовать благородных, этих самых, как их правильно? Ледей? Нельзя стоять! А то она подумает, что он какой-то деревенский дурачок! Нужно что-то сказать! Что? А! Поздороваться!

— Э-э... здарсьте, — выдавил он, ощутив, как от мгновенного позора полыхнули щёки.

Под холодным безразличием алых очей — уж лучше бы засмеялась или скорчила презрительную мину! — Джин ощутил острое желание провалиться сквозь землю.

А тут ещё эта проклятая Куроме!

— Хи-хи! Кажется, кого-то ошеломила твоя красота, — с противно-ехидной усмешкой сказала она, обратившись к холодной красавице. — Смотри-ка, он даже двух слов связать не может. Буквально. А ты говорила, что мы зря тратили время на наряды...

Бедный парень не вслушивался в речи противной девчонки — явно же насмешничает и позорит его перед гостьей! — пытаюсь выдавить из себя хоть что-нибудь. Нельзя стоять, как дурак! Нужно остроумно — и с благородным вежеством! — попрощаться и познакомиться заново, когда он принарядится и успокоится!

Да! Точно! Так он и поступит!

— Я-а... Это... Извините, я сейчас позову родителей!

***

— Он странный, — произнесла Акаме, проводив взглядом буквально убежавшего от нас приёмыша.

— Ещё какой, — согласно киваю. — Пытался агитировать меня в революционное движение, представляешь? Меня!

— Ты рассказывала, — без своей обычной заинтересованности к любому упоминанию «животрепещущей темы» ответила моя спутница, что плавно — будто скользя — двигалась в неудобном для боя платье и туфлях, а вместо привычной рукояти меча крепко сжимала сумочку. Я знала, что она опасается запнуться или что-то порвать слишком резким движением, но со стороны это выглядело весьма грациозно. Милота! — Как ты думаешь, почему убежала наша младшая сестра? Она меня испугалась? Я что-то неправильно сделала или сказала?

Как нетрудно догадаться, тема Рейки заботила Акаме гораздо больше глупой выходки незнакомого подростка, пусть и являющегося приёмным сыном её родителей. И даже — о, чудо! — больше революционного движения!

— Думаю, она просто привыкла не ждать от дворян и богачей ничего хорошего. Всё-таки в деревне выросла. Ещё и на земле редкостно мерзкого владельца. Не переживай, вы обязательно подружитесь, когда познакомитесь поближе. Особенно если ты уберешь с лица свой любимый образ холодной безучастности, — ободряюще улыбнулась я, сжав руку разволновавшейся девушки.

— Я постараюсь, — с некоторым усилием отзеркалила мою улыбку сестра, с трудом перебарывая беспокойство, что отражалось на её лице всё более бедной, бесчувственной мимикой.

Всё-таки Акаме носила данную маску слишком долго, чтобы та не приросла к лицу, частично став истинным обликом, самой сутью характера.

Родители встретили нас гораздо радушнее пугливой Рейки и появившейся после сестрёнки — возможно, пришедшей на зов этой шустрой мелочи — жертвы подростковых гормонов. Причём они сразу узнали Акаме — не мудрено, я ведь писала, в компании с кем прибуду в гости — и очень ей обрадовались.

Столь яркие и искренние эмоции в адрес старшей сестры, с одной стороны, отзывались теплом: это радует, когда к дорогому тебе человеку относятся хорошо. Но с другой — пробуждали... не то чтобы ревность, нет; скорее, чувство некой несправедливости. Ведь эмоции, направленные на меня, тоже светились теплом — однако к этой теплоте примешивалась некая настороженность, даже опаска.

Понятно, что мои действия были направлены на то, чтобы вытащить родственников из той задницы, где они находились, а потом привести их в нормальное состояние и дать счастливо обретенной семье место, где она сможет жить в своё удовольствие. Но со стороны вчерашних крестьян оные действия могли выглядеть необычно и даже пугающе. Да и сама я... отнюдь не святая, что мною не выпячивалось, но и не так чтобы со всем усердием скрывалось. Когда-нибудь родные узнают об истинной личности средней дочери и, в этом разрезе, излишнее притворство может послужить причиной резких и негативных изменений в отношениях.

Лучше ограничиваться полуправдой и недомолвками. А если даже не лучше, то уж точно проще.

Акаме же, напротив, последовала совету и по возможности вела себя открыто. У неё очень мило это получалось. Даже Джин — отчаянно стеснявшийся своего провала, а потому замкнутый и колючий — и тот оттаял, начав рассказывать что-то там вычитанное из «прогрессивных» околореволюционных источников. Довольно странная попытка показать свой ум и значимость. Впрочем, падкую на подобное старшую сестру сии наивные мечтанья на тему: «Как бы было хорошо, если бы общество вдруг стало состоять сплошь из честных и справедливых людей, которые будут жить в честном и справедливом обществе», — что не подкреплялись даже теоретическими размышлениями, как этого достигнуть — вполне заинтересовали.

Идеалисты... что с них взять? Даже немного совестно топтать грязными сапогами циничного реализма эти прекрасные, но крайне сказочные представления.

Таким образом, пусть одна девочка-волшебница и понимала причины не столь безоблачного, как хотелось бы, отношения к своей персоне, но... немного обидно сие. Хотя ладно, ведь старшая сестра, как это ни удивительно, сразу и очень крепко привязалась к, считай, в первый раз в своей сознательной жизни увиденным родственникам.

Эмпатия врать не станет. Ну, если её сознательно не обманывать.

Это хорошо, когда чувства взаимны. В общем-то, если говорить обо мне, то тут почти то же самое: я хорошо отношусь к семье, но... с оговорками. Вот и родители с приёмным, догадываясь о существовании этих «но», не спешат забывать об осторожности. Идеалистка Акаме в этом плане намного более открыта: либо говорит, что думает, либо надевает холодную маску и молчит.

Зато Рейка как была самым дружелюбно настроенным ко мне членом семьи, так и осталась. Даже сейчас она перетащила свой стул поближе к «любимой сестричке Куроме», а потом и вовсе перелезла ко мне на колени. Не то, что «предательские» родители.

— Кушай, доченька, кушай, — с мягкой материнской улыбкой мама пододвинула Акаме тарелку с жареными рёбрышками. — Вы, девочки мои, все с хорошим аппетитом, — сказала она с видимым умилением и читаемыми только через эмпатию нотками горечи. — Ешьте. Позвольте накормить себя досыта.

Ну да, Рейка ведь говорила, что у нас был братик, который реалий «деревенской пасторали» Империи, к сожалению, не пережил. И вроде бы у мамы был не один умерший ребёнок. Крестьяне к детской смертности относятся проще, даже не дают младенцам имён в первый год. Но мать, потерявшая ребёнка — это мать, потерявшая ребёнка. Такое не проходит без следа. Особенно если дитя дожило до относительно дееспособного возраста, а не погибло в младенчестве.

А вообще, если подумать — до того, как я её нашла, бедная женщина и вовсе считала, что потеряла всех детей, кроме Рейки.

Жалко её.

Хочется взять верный клинок и выпустить кому-нибудь кишки в качестве компенсации за её горе и за слёзы миллионов таких, как она... только вот бессмысленно это. Не все беды человеческие решаются молодецким ударом острой стали... в сущности, эти самые молодецкие удары чаще лишь множат проблемы вместо того, чтобы их устранять.

— Молодчина, что благородного нашла. Муж из простых такую жену не прокормит! — хохотнул приналёгший на алкоголь отец и с намёком глянул на сестру, ожидая подробностей.

Как бы он не спился, а то в прошлый раз неплохо так выпил, в этот раз всё подливает в бокал, и когда мы уедем, возможно, продолжит.

Или отец так подавляет стресс от нашего визита? Всё-таки Сон вполне типичный деревенский мужик, который привык к патриархальным нравам и давно свыкся с тем, что является безусловным главой собственной семьи. А тут нарисовалась одна дочка, которая взяла их на содержание и фактически может распоряжаться их судьбами любым удобным ей способом. Мало ли что ожидать от родной по крови, но практически незнакомой юницы? Вдруг очередное сказанное поперёк слово станет камешком, который уничтожит всю эту пряничную идиллию? Ещё и вторая объявилась, что за аристократа выскочила. Как тут не нервничать?

За точную формулировку мыслей не поручусь, но вот общее их направление я ощущала достаточно ясно. Ну да ничего, в этот раз напряжение родителей куда слабее, чем в прошлый. Скоро это совсем пройдёт.

Но поговорить с отцом не помешает. И насчёт того, что поместье — именно их имущество, а не арендованное; и по поводу того, нашёл ли он себе дело по душе. И аккуратно затронуть тему алкоголя тоже нужно. А то это для воителей лёгкие наркотики вроде спиртного, табака или какой-нибудь весёлой травки — не опасны и даже, в общем-то, не вызывают никакого физического привыкания. Но для нормалов проблема алкогольной зависимости и приходящих с ней проблем со здоровьем и отношениями в семье — вполне себе серьёзна.

Не ведающий о моём беспокойстве отец продолжал дегустировать неплохое вино и «пытать» старшую дочь, которая в свою очередь не спешила «правильно» понимать его намёки и рассказывать про несуществующего супруга. Наоборот, Акаме решила похвастаться своими способностями охотницы на вкусных монстров.

То есть отец и Джин сначала подумали, что она говорит об обычных зверях, поэтому девушке поверили, но отнеслись к её рассказам со скепсисом. В понимании мужчин (про Каю, тем более Рейку не говорю, деревенские женщины, девушки и девочки — весьма далеки от подобных тем, соприкасаясь с ними, разве что когда требуется разделать и приготовить добычу) охота — типичная дворянская забава и вообще баловство. Чем тут хвастаться, если вы огромной разряженной толпой, сидя на дорогущих лошадях, гоняете по предварительно зачищенному от монстров лесу несколько несчастных животных или вовсе спокойно ждёте, пока их на вас выгонят?

Вот простые люди — да, рискуют. Как сам Сон, например, которого на охоте подрал самый настоящий монстр!

— Монстры — самые вкусные, — согласно покивала Акаме. — Но для неподготовленных людей

охотиться на них очень опасно.

— Чего? — чуть не подавился мужчина. — Какого нах... кхм, охотиться?! Знаешь, скольких сгубила та тварь?! Да я сам почитай увечным стал! Охотиться, ети его...

— Прости, — опустила глаза сестра. — Я не хотела тебя расстроить... отец.

— А, — махнул он рукой, — не обращай внимания, дочка. Былое это, давнее. И на память мне, после лечения, теперь только испорченный характер остался, — закончил он, машинально потерев некогда покалеченную, постоянно болящую ногу.

— Погоди, — вмешался Джин, — то есть та вкусная дичь, про которую мы слышали — это те самые демонические звери?

— Да, — Акаме обозначила слабый кивок. — Их мясо вкусное и полезное.

— Охренеть! — выдохнул парень, который пусть и знал, что уважаемый наставник Алекс, в том числе занимался и охотой на монстров, но представить в данной роли красивую молодую девушку в шикарном платье... Нет, это за пределами воображения Джина! Даже эта мелкая заноза Куроме, чью силу он со скрипом, но признавал, и та никак не встраивалась в героический образ Охотника на монстров. — ...И каково это, забивать чудовищ на мясо, словно скотину? — всё ещё пребывая под эмоциями, спросил он.

— Легче, чем с обычными дикими животными, — под сдавленный крик отца, ответила старшая сестра. — Они агрессивны, поэтому нападают сами, не прячутся и не убегают. Иногда достаточно просто показаться им на глаза. Я думала, сестра вам рассказывала.

— Она только с Джином про всякие глупости ругалась! — заёрзав на моих коленях, «сдала» свою любимую сестру Рейка. — А про интересное мало рассказывала. Зато мы в цирк ходили! — похвасталась она. — То есть не цирк, но там пели и скакали красиво.

— Я не такая фанатка охоты, — произношу с улыбкой. — Больше люблю есть вкусняшки, чем их ловить и готовить. Тем более что сладких монстров не бывает... наверное. А ты, сестра, если не забыла, ушла от меня в другую, хм, школу боя. А потом у тебя и вовсе началась другая жизнь. Замужняя, хи-хи. Я не знала, сможем ли мы с тобой окончательно помириться, вот и помалкивала.

— Ругаться — плохо, надо дружить! — поддержала авторитетное мнение с моих колен позитивная мелочь.

— Точно, — погладив девочку по голове, сказала я. — Кстати, в качестве подтверждения дружбы: иди-ка, посиди на коленях у нашей самой старшей сестры.

— Я хочу сидеть на коленях старшей сестрёнки Куроме!

— А старшая сестрёнка Куроме хочет поесть, — встрепав чёрные волосы, говорю ей в тон. — И хочет посмотреть, как вы смотрите вместе. И Акаме тебя ждёт.

— Правда? — спросила Рейка, сначала подозрительно глянув на Акаме, которой девочка немного дичилась, потом откинув голову назад и снизу вверх посмотрев на меня.

— Правда, — отвечаю, слегка ущипнув ребёнка за задранный нос. Старшая сестра тоже кивнула. Она ощущала смущение, а потому выглядела несколько более отстранённой, впрочем, пытаясь это компенсировать слабой, но очень милой улыбкой. — Ты же хочешь сделать старшим сестрёнкам приятно?

— Да! А вы возьмёте меня с собой охотиться на чудовищ?

— Когда ты чуть-чуть подрастёшь — обязательно. А теперь: кыш-кыш! — освободив колени и шлёпнув весело взвизгнувшую девочку по попе, сказала я.

— Старшая сестрёнка Акаме! Куроме меня бьёт! — пожаловалась младшенькая, на мгновение обернувшись и задорно показав мне язык.

Забавная. Пусть она и побаивалась свою взрослую копию, однако показывать этого не собиралась, наоборот, демонстрировала бесшабашность и боевитость. Ну, в том виде, в каком её понимала девочка.

— Не бойся, малышка. Я тебя защищу, — приняла игру старшая сестра.

Так мы и проводили время за дружелюбным и обоюдоинтересным общением. Правда, многие интересные родителям вопросы, вроде извечно-женского от мамы: «Не нашла ли ты себе будущего мужа, доченька? Может быть, тебе замужняя старшая сестра поможет?» — остались без ответов. Старшая сестра мне помогала, но совсем-е-ем не так, как думала мечтающая увидеть внуков Кая. А часть из вопросов нам и вовсе не стали задавать, пусть, как подсказывала эмпатия, и хотели. Настороженность ещё не совсем увяла в сердцах родителей.

И, глядя с определённой стороны, это даже хорошо. Джин, как всегда, особенной сдержанностью не отличался, поэтому не постеснялся проехаться по моей скрытности, аккуратно попрекнул явно нравящуюся ему Акаме (ну-ну, нашёл в кого влюбляться! она моя!) в том же, а после этого сел на своего любимого конька «прогрессивных веяний». Разве что в этот раз, кроме пустопорожних рассуждений, добавились и достижения на ниве управления поместьем, которые парень с удовольствием приписал себе:

— Я всегда считал, что нас, простых крестьян, специально загоняют в нищету! Дерут семь шкур, а потом смотрят свысока из своих дорогих карет, построенных на наши деньги! — возбуждённо размахивая руками, вещал подросток. — Даже какую-нибудь мельницу или кожевенную мастерскую не построят. Лишние траты будто! Тудыть их! Но как же лишние, если деревни, у которых оно есть, живут богаче? Мы даже со старостой ругались. Будто не лорды лентяи да дурни, а чиновничье племя воры и вымогатели, а я-де молодой дурак, не понимаю в высоких материях.

Акаме, которой тема страдающего народа весьма близка, слушала очень внимательно, а видящий это парень только и рад был распушить хвост.

— А потом «молодой дурень» смог проверить. И оказалось, что дурень совсем и не я! Мы с управляющим Итером придумали, как занять наших скучающих по зиме мужиков и дать им заработать. И наладили всё быстро, и денежек потратили... много, конечно — но мельница всяк дороже. И вернётся оно всё, если не об этом году, то к позаследующей зиме — железно!

— Ты молодец, Джин, — улыбнулась ему Акаме.

К прискорбию «деревенского мачо» — если бы тот, конечно, узнал о мыслях объекта своей влюблённости — воспринимали его, скорее, как неуклюжего, но хорошего парня и родственника. Пусть приёмного, но всё же.

Сестра, похоже, вообще не понимала, что с ней пытаются флиртовать. Что поделать? Суровое воспитание, утяжелённые тренировочные мечи, громогласные наставники...

— Казалось, что всё так сложно, а оказалось — так просто, — выпятил грудь приёмыш. — Главное — приложить смекалку да трудолюбие. А этого у нас с лихвой! Помяни моё слово, Акаме: мы ещё расширится, поможем встать на ноги многим семьям! И сами разбогатеет не хуже иных лордов! — с намёком посмотрев на девушку, добавил «будущий магнат с человеческим лицом».

Смешной парень. Не то чтобы он врал, просто упускал нюансы, о многих из которых и сам не ведал. Да, доводили до меня некоторую информацию на сей счёт.

Джин с управляющим придумали, как занять бездельничающих по зиме крестьян, подарив им возможность заработать денежку. Формально — действительно молодец. Деревенские бездельничать не привыкли, если есть шанс найти занятие, которое позволит легче пережить зиму и весну, то они его не упустят. Реализация кустарного конвейерного производства, где каждая группа умельцев быстро обучается одной-двум операциям, а несколько этих групп потоком клепают готовые изделия, тоже не слишком подкачала. Но если Джин считает, что это является гарантией успеха, а все окружающие — просто лентяи, дураки и жлобы, которые не догадались взять и сделать, то зря он так.

Я, как человек, владеющий информацией — а также не своими руками, но устранявший многие проблемы, способные похоронить все начинания братца — ответственно заявляю: без

сторонней помощи такая инициатива снизу добром не кончается.

К примеру, если некий прогрессивный помещик решит совместно со своими крестьянами производить, скажем, обувь, то он сможет это сделать. Обеспечить своих арендаторов непритязательной, но недорогой и надёжной обувкой — это тоже хорошее дело. Однако в случае попытки произвести более-менее много товара и выйти со всем этим на относительно крупный рынок моментально возникнет ряд практически неразрешимых трудностей, по итогам которых начинающий предприниматель хорошо, если просто разорится, а не попадёт в долговую кабалу.

Новый, не блистающий качеством товар — который, кстати, нужно ещё доставить поближе к потребителям для продажи — может привлечь покупателей только низкой ценой; а тех, кто роняет цены, сильно не любят устоявшиеся, крепко держащие свои доли рынков торговцы. Выражается эта нелюбовь многообразно, но неизменно неприятно: начиная от внезапно активизировавшихся чиновников, полицейских и налоговиков и заканчивая случайными пожарами, несчастными случаями и нападениями якобы неизвестных бандитов.

Собственно, имперская бюрократия способна уничтожить практически любое начинание даже без денежного стимула от враждебных заинтересованных сторон. И даже без непосредственного желания чиновника с роднёй нажиться на неосторожной жертве. Просто система выстроена так, что, следуя правилам, нормально работать не может. А коррупционные схемы... там тоже есть свои тонкости. Без точного знания, кому, как и сколько заносить, обычному человеку туда лучше не соваться — целее будешь.

Связаться с оптовиком, который сам займётся реализацией? Так зная все вышеперечисленные проблемы, он будет брать товар по такой цене, что, дабы заработать, производителю придётся сильно сокращать издержки (зарплату, качество материалов и так далее). И даже если каким-то чудом удастся удержаться и начать зарабатывать, то в гости придут «уважаемые люди», которые попросят отдать им долю в бизнесе. Бандиты, хваткие чиновники, нечистые на руку силовики, представители более крупного бизнеса, что решил «съесть» мелкого конкурента — неважно. Главное, что по итогу удачливый владелец успешной развивающейся компании фактически превратится в управляющего некогда своей, но ныне чужой собственности, обернувшейся одной из многих потогонных фабрик со скотскими условиями труда.

Как же тогда мои предприятия? А они наглядный пример того, что, имея силу, средства, знания и готовность замарать руки — возвыситься не так уж и сложно. Но не более того. Если ты уже силён — легко стать ещё сильнее. Если богат (и не совсем глуп), то, чтобы разбогатеть больше прежнего, достаточно приложить минимальные усилия.

А вот если слаб и беден...

Впрочем, саркастичные мысли насчёт талантов распустившего павлиний хвост кавалера — надо с ним потом поговорить насчёт безопасных и не очень целей для его доморощенной куртуазности — остались только мыслями. Я ведь не хочу уверить диванного революционера в том, что систему нельзя починить, только разрушить и создать новую, верно? Пусть парень лучше радуется успехам, верит в себя и хвастается, нежели проваливается, злится, убеждается в своей «правоте» и трансформируется из диванного революционера в активного террориста, со всеми вытекающими из этого неприятностями.

Система у нас действительно изрядно пованивает, поскрипывает и постукивает на ходу; но, как я успела убедиться на северо-востоке, она вполне ремонтпригодна. При условии отрезания гнилой «головы», разносящей заразу по «организму» государства, а также наличия/пробуждения у элит более низкого уровня желания и политической воли что-то изменить.

...И крепкой руки на их коллективной глотке, что эти самые волю и желание обеспечит. Мои хорошие, хе-хе, друзья — элдлорд Хиро и наместник Тайго, это подтвердят.

Отец, как оказалось, таки нашёл себе занятие, увлечшись столярным мастерством и выписав себе учителя. Теперь усердно перенимает его науку. Судя по тому, как блестели его глаза на словах о том, как он «таким отличным инструментом и чудо-техникой» поменяет всю мебель в поместье на «нормальную» своего производства, спиться ему в ближайшие месяцы точно не грозит. Алкоголизм — зараза социальная, а увлечённому человеку с наладившейся жизнью спиваться некогда.

Мама привычно занялась домашним хозяйством. И так как область контроля серьёзно расширилась — одно дело деревенская хата с немногочисленной скотиной, совсем другое — немаленькое здание поместья — да и задачи несколько изменились, то приходилось ей учиться и разбираться в том, как рулить слугами, дабы те работали честно и добросовестно. Не то чтобы ей так уж нравилось командовать, но... «Это ж наш дом! Как я могу им не заниматься?!» — вряд ли она в ближайшее время сумеет вникнуть во всё настолько, что сможет заскучать и начать искать сомнительный досуг.

Хотя для битой жизнью деревенской бабы поиски сомнительных удовольствий — и без того дело довольно чуждое. Кая ведь не жена старосты или там дочь деревенского воротилы. Да и неопределённое — как считают родители с приёмным — положение даёт родным

дополнительную защиту перед разлагающим влиянием лёгких денег.

Хоть что-то хорошее от этой их мнительности.

Как бы то ни было, открыто демонстрировать свою неуверенность в будущем нам с сестрой никто не спешил. Да и в эмоциях оно проскакивало не столь уж и часто. Искренней радости наблюдалось гораздо больше.

И это хорошо ощущалось не только мной, но и старшей сестрой.

***

Со временем вкусная еда и немного алкоголя позволили всем окончательно расслабиться и начать более лёгкое общение, порою перерастающее в дурачество. Например, когда горящая энтузиазмом и жаждой поделиться Рейка подробно рассказала, как мы все вместе ходили смотреть имперскую вариацию китайской оперы — с акробатическими трюками, постановочными боями, песнями, музыкой и световыми эффектами — Акаме имела неосторожность проговориться, что тоже знает несколько акробатических приёмов.

В итоге две старшие сестры — я тоже когда-то говорила, что могу петь и играть на гитаре, которая, как оказалось, в поместье наличествовала — попали под поработшающее влияние подавляющей силы жалобных глазок и были вынуждены устроить мини-представление.

Хотя не то чтобы одна добрая волшебница сильно сопротивлялась идее посмотреть на завораживающие движения гибкого тела Акаме, исполняющей для меня эквилибристические и акробатические номера ...в идеале — наедине и в более, хм, интимной обстановке. Но это уже наглость, всё-таки Рейка выступала подательницей идеи; нехорошо лишать девочку представления. Да и заниматься всякими непотребствами в доме родителей... ну, такое себе. То есть своеобразная перчинка в этом есть, но сестра, полагаю, не согласится.

Да и не собираемся мы здесь ночевать. Хотелось бы, но дела, дела!

Единственное небольшое затруднение у нас возникло с совершенно неподходящим для активных телодвижений платьем Акаме. Пришлось быстренько метнуться за «хранящейся в карете сменной одеждой», дабы призвать Эйпмана и взять другой наряд. Занимающийся «техобслуживанием» лошадей и кареты кучер, чью роль играл очередной не знающий о своём положении немёртвый, на данный экзерсис никак не среагировал. Игла в ухо члену банды грабителей-ряженных, частенько отыгрывающему слугу важных господ, подчинение и немного ментальной коррекции — позволили сделать так, что он искренне поверил в приказ босса (ныне мёртвого), а контроль через духовную связь без особых усилий гнул слабую волю с разумом, заставляя игнорировать «малозначимые мелочи».

Полезная и универсальная штука — эта некромантия!

Так-то воздействие на восприятие в большей степени исходило из демонических способностей влияния на контракторов через печать, кои позволяли манипулировать смертными рабами таким образом, что, даже творя полную хрень и чернуху, те питали ложную уверенность, что всё нормально и они действуют по своей воле. Но это лирика.

Относительно самой сменной одежды... Никто ведь не думал, что я заказала для возлюбленной сестры один-единственный наряд или даже несколько, но в одном стиле? Просто с самого начала выбрала самый неудобный из имеющихся, хе-хе.

Что касается моей вокально-музыкальной поддержки: здесь всё прошло неплохо. Помимо любимых лично мною не самых добрых и позитивных песен, репертуар давно пополнился более весёлыми — в смысле не могильно-юморными или про весёлую резню, а действительно добрыми — произведениями, что удалось выудить из памяти меня-Виктора и переложить на имперский язык. Ну и некоторые, так сказать, отечественные песни тоже вошли в репертуар.

Всё-таки я, пока находилась в Столице, не только занималась делами и гоняла ребят на Базе, но и устроила несколько концертов по просьбам жаждущих зрелищ убийц. А так как не все разделяли мои музыкальные вкусы, ребята частенько просили выучить и исполнить либо что-то конкретное (мне, с ускорением мышления и гипермнезией, сие несложно), либо просто обрисовывали желаемые параметры, вроде «про любовь», «про тех, кто погиб», «смешную и весёлую». Или «про сиськи!» от понятно кого.

В общем, неплохо получилось. Настолько, что после сольного выступления Акаме, импровизированное мероприятие переросло в столь же импровизированные общие танцы. Инициатором опять стала младшая сестрёнка и, неожиданно, отец.

— Ну-ка, жена! — воскликнул мужчина и, ударив ладонями по бёдрам, подхватил вскрикнувшую от неожиданности маму и потащил её в центр комнаты.

— Ой, Сон! Что ты делаешь?! — с возмущением, в котором явно сквозили нотки удивлённой радости, взвизгнула его «жертва».

— Чего-чего, — напоказ проворчал тот. — Старшие дочери, небось, и не знают, как нормальные юнцы да юницы пляшут. Городские... только и знают всякие балы. Коли не мы, то кто им покажет? Правильно я реку, девки?

— Правильно, правильно! — с готовностью запрыгала Рейка. — Покажи танцы, папка! Мы посмотрим и тоже будем с вами плясать! Правда, старшие сестрёнки?!

Акаме кивнула со своей привычной слабой улыбкой на устах. Ну и я изобразила готовность поучаствовать, а также оказать музыкальное сопровождение затеянной отцом демонстрации того, как вечерами развлекалась молодёжь нашей малой родины.

На удивление, выглядело это с одной стороны весьма целомудренно (телесного контакта почти не предусматривалось, разве что за руки держались иногда), но с другой — смотрелось довольно зажигательно. Ну, или это влияние общего настроения.

Меня научили народным песням и мелодиям — тем, что хоть как-то можно исполнить на гитаре — старшей сестре показали движения нескольких народных танцев, что она очень быстро освоила. Потом хотели обучить и меня, но хватило и наблюдений за Акаме. Джин станцевал с Акаме — я даже не ревновала, не та ситуация — потом с мамой и даже со мной, так же поступил и отец. Затем меня пригласила Рейка, которую приёмыш своим вниманием обделил. Правда, получилось у нас нечто неканоничное — в оригинале подбрасывание и кручение счастливо повизгивающей партнёрши, естественно, не предусматривалось — но сестрёнке понравилось, даже очень.

Следом наступила очередь Акаме, а потом и мамы, которая аккуратно заметила, что вообще-то взрослым девушкам не очень уместно танцевать друг с другом и она была бы рада увидеть нас с кавалерами. Однако судя по тому, как она веселилась, ничего прямо странного и неприличного в этом нет. Да и навязчивая тема кавалеров — уже в третий раз её поднимает! — не найдя

отклика в наших с Акаме сердцах, достаточно быстро увяла.

Помимо хорошего настроения, результатом семейного гуляния стал очередной шаг к сближению. Акаме, конечно, тут чемпионка — несмотря на свою немногословность, умудрилась понравиться всем. Да и сама на удивление сильно привязалась к семье. Я, признаться, ожидала всякого. Скорее безразличия к тем, кого Акаме не знает, или даже неприязни к «предателям», максимум лёгкого интереса к родителям и несколько более выраженного к нашей младшей сестре. Всё-таки Рейка милая и забавная; даже я, несмотря на своё безразличие к детям как таковым, это признаю. Но, видимо, я не совсем правильно понимала внутреннее состояние старшей сестры, которая испытывала гораздо более яркую, нежели у меня, потребность иметь тех, кого она может любить и защищать, получая ответную любовь.

Конечно, после нашего примирения у неё вновь появилась я. Однако стоит признать, что характер у одной некроманси не самый подходящий для подобного рода отношений. Особенно после того, как я вспомнила прошлую жизнь, узнала уготованное для всех нас будущее и поставила себе цель — любыми способами изменить его к лучшему. Встретиться, пообщаться, пообниматься и не только — да, с удовольствием. Но не очень долго. Не потому, что я не желаю продлить этот момент или сестра не желает, даже не по причине ограниченности во времени.

Просто мы обе — сильные и целеустремлённые личности со своим виденьем мира, лучшего будущего и приемлемых методов для его достижения. Это само по себе не плохо, но пока существуют разногласия, любое достаточно длительное взаимодействие приводит к столкновению мировоззрений.

В конце концов, мы выработаем более-менее единую позицию — желательно мою (правда, думаю, Акаме имеет на сей счёт своё мнение) — однако до этого момента сестре сильно не помешают те, кто любит её просто за то, что она есть, и готов принять в любом облике. Кто-то вроде мамы, Рейки и, в несколько меньшей степени, отца. Джин... он, несмотря на свою юношескую влюблённость, слишком политизирован, а оттого зависим от внешнего влияния.

Надеюсь, только пока. Люди ведь не только стареют, они и взрослеют.

Иногда.

* * *

— Скажи, Куроме, — привлекла моё внимание шагающая рядом сестра. — Как ты считаешь, они... родные от нас не отвернутся? Ведь рано или поздно откроется правда о том... кто мы такие.

— Вряд ли, — качнув головой, ощущаю вопросительно-просящий взгляд алых глаз и, мысленно вздохнув, начинаю разворачивать свою мысль:

— Мирные люди обычно побаиваются тех, кто много и часто убивал. Но если общение затягивается и не причиняет дискомфорта, убийства не наглядные, а умозрительные, то об этом быстро забывают. Многие ведь дружат с военными, верно? Конечно, если твоя принадлежность к силам Революции и моя к Империи откроется раньше, чем мы победим, — тут сестра вскинулась, явно собираясь уточнить «мы-Революция» или «мы-Империя», но я поспешила её успокоить:

— Остановимся на том, что Онест и большая часть аристократии враги и мне и тебе. Так вот: если правда откроется до прекрасного момента победы и примирения, то неизбежно возникнут конфликты на идеологической почве. Да и к нашему с тобой общению появятся вопросы.

Девушка коротко кивнула. Тут она со мной была абсолютно согласна. И вероятность подобного исхода её беспокоила.

— Но если отбросить возможные риски слива информации и сосредоточится на внутрисемейных отношениях, то... — тяну задумчиво, — думаю, Рейка и мама не отвернутся от нас в любом случае, — в жесте поддержки взяв разволновавшуюся спутницу за руку, заявляю твердо. — Хотя Рейка — ладно, она маленькая. Но мама... удивительно, что она сохранила такие сильные чувства после стольких лет, но, несмотря на некоторую настороженность, которую ты, вероятно, заметила, она скорее умрёт сама, чем прямо или косвенно нанесёт вред мне или тебе.

Да-а... уж о ком, о ком, а о Кае я могу говорить с полной уверенностью! Сомневаться в её материнской любви? Не после реакции на нашу самую первую встречу, когда я предстала, прямо скажем, не в самом лучшем ракурсе — и всё равно готовая к любому исходу женщина...

Просто взяла и приняла меня.

Мне, честно говоря, до сих пор немного стыдно за свои холодноватые чувства к родительнице. За выдерживаемую дистанцию. То есть я отношусь к ней хорошо, но на фоне ответного потока материнского тепла, пусть и с примесью толики опаски, из-за которой она сдерживала его демонстрацию, а также хорошей порции вины... эх. Да. На контрасте я выгляжу, прямо скажем, блёкло. Чего уж — в отличие от старшей сестры, я до сих пор во многом воспринимаю новообретённых родных как потенциальную точку давления, которую нужно прикрыть (или использовать для непрямого влияния на Акаме), но чтобы беззаветно любить и поставить на кон свои планы... нет.

Имеющейся привязанности для этого недостаточно.

— Отец более конфликтный и потому может наговорить... всякого, — продолжила я после краткого мига, потраченного на размышления. — Хотя на самом деле не думает про совсем уж... просто... характер такой колючий. И другим уже не станет: возраст, сама понимаешь. Ну, а приёмыш вообще фанат Революции. Если у кого и возникнут с ним проблемы, то это у «кровоавой псины режима» в моём лице. В тебя он вообще, кажется, влюбился.

— Спасибо, — благодарно кивнула сестра на мой ответ и поддержку. — И не нужно плохо думать про Джина.

— Ревновать, ты хотела сказать? Я и не собиралась. Всё равно ему не на что надеяться, — игриво ущипнув Акаме за попу, улыбнулась я.

— Я тоже тебя люблю, Куроме, — ответила моя мнительная красавица, с души которой, судя по эмпатии, свалился тяжёлый камень, отчего на сердце стало на редкость хорошо и светло.

Стоит признать, я до последнего сомневалась, нужно ли знакомить старшую сестру с семьёй, оставленной нами в раннем возрасте и найденной спустя десятилетие. Сомневалась, будет ли такое знакомство нужным и приятным для шестнадцатилетней бывшей имперской убийцы и нынешней революционерки, которая давно позабыла детство и теперь живёт своими революционными интересами.

Теперь уверена: стоило. Особенно из-за этих самых интересов. Пламенным борцам за всё хорошее полезно почаще оглядываться и прикидывать: а как их очередная акция против всего плохого скажется на конкретных, слабых, уязвимых, таких обычных и при этом драгоценных людях?

— Как ты смотришь на романтическую воздушную прогулку над облаками? — игриво спросила я у сестры.

— На твоей птице? — блеснули глаза любившей быстрые полёты Акаме.

— Можно и на ней, — едва заметно пожимаю плечами. — Но я вообще-то хотела предложить отправиться на небесном скате. Ну, неспешный полёт над заснеженными равнинами, столик под открытым небом, неярко горящая керосиновая лампа, горячий глинтвейн, — начала я, подпустив в голос грудных ноток. — Мы с тобой, сидящие в обнимку и созерцающие ночные красоты... Романтика! А потом можно отправиться внутрь вагончика. Там тепло и есть несколько мягких лежачков, которые так легко сдвинуть и превратить в большую кровать. Ну так как? — бросив хитрый взгляд на девушку, поинтересовалась я.

— Я... хотела бы отправиться с тобой на небесном скате, сестра, — мило порозовев, ответила она.

* * *

Под светом ночной луны и не укрытых облаками звёзд, на фоне покрытой снегом поляны стремительно металась пара смазанных теней. И если сами стремительные фигурки смог бы рассмотреть лишь не самый слабый воитель, то редкие вспышки плазмы встречающихся клинков, что для обычного человека сливались в яркую череду, были легко заметны на много километров окрест. Впрочем, редкое зверьё, которое не убежало от грохота, вряд ли сумело бы что-то кому-то рассказать. Оттого и выбрано именно это место для тренировочной схватки кровно связанных убийц.

Младшая и старшая сестра кружились в стремительном и выверенном танце выпадов, взмахов, парирований и уклонений, не обращая внимания на темноту, которая не так уж и мешала усиленным духовной энергией глазам. Имея паритет в скорости, алоглазая убийца обладала

преимуществом в виде автоматической победы, что зачтётся ей после любого мало-мальски удачного касания, даже условной царапины на пальце. Зато её темноглазая соперница, к удивлению старшей родственницы, оказалась немного, но сильнее — и чуть искуснее. Кроме того, благодаря сверхразогнанному разуму, эмпатии и ощущению духовной силы, миниатюрная противница хозяйки Мурасаме действовала так, будто предвидела большую часть её движений.

И непонятно, чьё именно преимущество станет решающим.

...Приняв клинок Мурасаме на крестовину, которой некогда была заменена традиционная для катан цуба, я увела его в сторону и попыталась задеть не прикрытую такой же защитой кисть Акаме. Неудачно. Противница успела отдёргнуть руку так, что не получилось её достать ни прямым движением, ни возвратным. Потом уже мне пришлось отступать и защищаться от меча, сначала блеснувшего хищной змеей в опасной близости от ничем не прикрытых голеней, а после, на восходящем движении, резко попытавшегося ужалить в руку.

И надо сказать, если бы не разгон разума, эмпатия и ощущение духовной силы могли бы и не помочь.

Сестра использовала незнакомый на первый взгляд финт — вроде бы Гозуки когда-то показывал, но это не точно — что в обычной ситуации не представлял опасности и в случае успеха угрожал не слишком глубоким порезом, а то и вовсе царапиной. Но... когда имеешь дело с Мурасаме, «просто» царапин не бывает.

Впрочем, этот обмен ударами всё-таки оказался за мной: удалось закрутить и увести меч Акаме вверх-в-сторону и, воспользовавшись моментом, резануть под коленом левой ноги сестры. Не очень удачно, ибо Акаме не стояла на месте, стараясь извернуться так, чтобы не получить раны и в свою очередь успеть хотя бы оцарапать меня, в реальном бою полностью подрезать связки и лишить противницу подвижности мне бы не удалось. Однако касание оказалось безнаказанным — я успешно разорвала дистанцию — поэтому примерно представляя тяжесть раны, Акаме всё равно оказалась вынуждена сдерживать свои движения, имитируя хромоту. И этого хватило, чтобы удачно выйти на позицию для следующего, более удачного удара и, активировав «рывок», условно отрубить правую ногу, увернувшись от метнувшегося мне вслед Мурасаме.

Продолжать поединок дальше смысла уже не имело.

— Ха-а, ты победила, сестра, — устало выдохнула Акаме, вонзив меч в покрытую снегом мёрзлую землю.

— Ничего, Акаме, — так же тяжело дыша, ответила я. — Тебе нужно ещё немного, хах, постараться — и ты обязательно победишь, — с внутренним ликованием повторяю извечную фразу старшей сестры, разными вариациями которой она частенько заканчивала наши спарринги...

Неизменно мною проигрываемые, угу.

— Да, Куроме. Теперь ты можешь так говорить, — мягко улыбнулась усевшаяся прямо на снег девушка. — Я всегда в тебя верила.

От этой мягкой улыбки и сопутствующих ей эмоций мне даже стало стыдно за испытываемый триумф. Чуть-чуть.

Нанести условно смертельную рану и при том не получить ни единой самой мелкой условной царапины от прикрытого специальной накладкой лезвия Мурасаме — это действительно круто! Не факт, что даже Генсэй-Юрэй сумел бы это сделать, по крайней мере, не с первого раза. Правда, для немёртвого проклятый меч не столь опасен.

Но не важно. Главное, что искренняя радость побеждённой стороны за победившую заметно подкосила победное торжество, что тщательно раздувалось Яцуфусой (которая и без того получила ментальный пинок).

— Ты специально так себя ведёшь, да? — спросила я, присев рядом. — Чтобы мне стало стыдно за то, что я радуюсь, как тебя поколотила?

— Нет, — ответили мне, крепко обняв за талию. — Просто я поняла, что была для тебя плохой сестрой... и хочу это исправить. Я ведь обещала защищать тебя, но повела себя как эгоистка и бросила. А ты даже наших родителей вспомнила и спасла. И... я слышала, как Сон... отец, говорил, что могло случиться, если бы его окончательно подкосила болезнь, а наш приёмный

брат не сумел удержать хозяйство. Если бы не ты, они бы все умерли. Отец, мама, маленькая Рейка... Просто потому, что я забыла, не хотела вспоминать... Я считала, что добрее тебя. А оказалось, что это всё лицемерие и я всегда стремилась не к общему благу, а только к исполнению своих желаний.

Неожиданное и неловкое откровение. Даже со всей моей эмпатией. Пусть после поединка, но сестра — по меркам нашего мира взрослая, многое повидавшая, сначала как имперская, а потом и революционная убийца, но, вместе с тем, всё ещё весьма юная и не набравшаяся житейского опыта девушка — сумела меня задеть.

Впрочем, я и не защищалась...

— Не грусти, — плотно прижавшись к сестре боком, я потёрлась щекой о покрасневшее от физических нагрузок лицо. — Сейчас ведь всё хорошо. И ты зря на себя наговариваешь. Ты хорошая, просто идеалистка. Иметь идеалы — это не плохо, а даже очень хорошо. У меня они тоже есть, и я тоже хочу уменьшить количество страданий и несправедливости в своей стране и мире. Просто люди несовершенны, их не загнать в рамки далёких от реальности и потому безупречных идей. А ещё если всегда смотреть вверх, можно не заметить то, что находится под носом и тех, кто рядом с тобой, — меланхолично произнесла я, большей частью разума погрузившись в свои размышления.

Впрочем, когда рядом зашмыгали носом, а эмпатия донесла до меня противоречивый букет чувств тихо плачущей девушки, я быстро избавилась от навалившейся хандры.

Короткое мысленное усилие — и неподалёку, в поле зрения Акаме и не слишком близко (чтобы её не встревожить) появился Эйпман, который тут же полез в удерживаемый им ящик и вытащил оттуда термос, пару кружек и мешочек со сладостями.

— Вот, выпей какао, — протягиваю сестре наполненную кружку. — Он сладкий, горячий и вкусный. А ещё у меня есть печеньки. Много вкусных печенек. Они тоже хорошо помогают от грустных мыслей. И, кстати, ты ведь не из-за своих переживаний проиграла?

— Нет, — ответила шмыгнувшая носом брюнетка, отпив шоколадно-молочного напитка и укусив печенюшку. — Я была полностью сосредоточена на поединке.

— Хм, мне кажется, что ты не слишком продвинулась с того нашего обнажённого выяснения отношений в заброшенной церкви. Я ведь показывала методику повышения синхронизации с тейгу и у тебя что-то получалось. Неужели возникли неожиданные проблемы? — уточняю уже с беспокойством.

Всё-таки я пусть и рада своей победе, но вместе с тем кровно заинтересована в развитии способностей Акаме. Ведь сила возлюбленной сестры — залог выживания одной безуспешно притворяющейся бесчувственной ледышкой идеалистки-революционерки в этом тёмном и жестоком мире.

— Нет, я смогла настроиться на Мурасаме, — нехотя ответила моя революционная убийца. — Он давно подталкивает меня активировать его козырную карту. И после того, как ты меня научила и подсказала, как его обмануть, я смогла самостоятельно взять часть этой силы...

— Но? — подбадриваю замолчавшую девушку.

— Но я не хочу использовать это в тренировке, потому что боюсь тебя ранить. Эта сила... она подталкивает к убийствам. Я ещё не смогла побороть ментальное давление и подчинить себе тейгу. И Мурасаме слишком опасен, чтобы использовать его в таком режиме не против врага, — момент слабости прошёл, и на юном лице вновь отразилась непреступная и непреклонная суровость.

«Ого! Кажется, злая на постоянные попытки «ментального изнасилования» сестрёнка всерьёз настроилась обуздать своевольный демонический артефакт. Кажется, инстинкт доминирования над наглыми демонами — это наша, ха-ха, родовая черта!»

— Ясненько, — достав часы, я посмотрела на время. Запас ещё оставался. Отлично! — Давай посмотрим. Может, удастся что-то исправить и попробовать сразиться уже без ограничений.

— Хорошо, — после нескольких секунд сомнений и размышлений кивнула Акаме.

Приняв решение, она, не став откладывать, быстро дохомячила предоставленные ей

вкусняшки, после чего поднялась на ноги и, взяв тейгу, прикрыла глаза, концентрируясь.

***

«Угу, понятно. Значит, в спонтанном бою она активировать усиление не сможет. Не так уж и хорошо сестра научилась настраиваться на свой артефакт, тут точно есть над чем работать», — заключила я, поверхностно оценив процесс начала синхронизации родственницы с Мурасаме. После чего, не переставая наблюдать (разгон разума и духовное восприятие, которое мало чем связано с обычным зрением — вполне позволяли), поудобнее устраиваюсь на мягкой снежной перине и погружаюсь уже в настоящий, глубокий транс познания.

Сначала я обратила внимание на то, что сестра входит в синхронизацию не совсем так, как я учила её и Натала: не через ускорение-усиление циркуляции духовной энергии от владельца к тейгу и обратно — вернее не только и не столько через него — а... через духовно-эмоциональную подстройку?

«Принцип подобия? Очень интересно! И опасно».

Если я сама больше работала с чистой энергией, стараясь отсеивать несомый ею эмоционально заряженный мусор, что и давал эффект влияния тейгу на носителя, то Акаме с чего-то решила идти от обратного. Неужели это из-за моих мимолётно оброненных слов о сродстве, его повышении через дурацкое условие активации козырной карты артефакта — и возможном способе обмана установленной в тейгу механики путём искусственной имитации нужного состояния? В любом случае синхронизация через эмоции — убийственное намерение причиняло некоторый дискомфорт даже мне — оказалась тоже вполне себе действенным путём.

И я бы сказала, даже более эффективным. По крайней мере, для человека, не обладающего сходным со мной уровнем чувствительности к энергиям.

Неприятно-едкая сила Мурасаме так и сочилась по ауре сестры. Добиться подобного за столь короткий срок, не активируя вшитую в артефакт «финальную способность» и не умея работать со связью тейгу-владелец напрямую... не думала, что это возможно.

Что ни говори, а старшая сестра талантлива.

Правда, то, что она не останавливает эмоциональную подкачку (судя по всему, тут недостаточно перестать давить, требуется прикладывать заметное сознательное усилие) — довольно угнетающе влияет на триаду разум-тело-дух. Повышенное количество энергии не самого доброго артефакта, что гуляет по энергоканалам, ещё не успевшим приспособиться к такому агрессивному влиянию, пользы тоже не добавляет. Да и сам подход «уподобления» чреват истиранием грани между уподобляющимся и эталоном. Что в итоге даст такого же одержимого или демона в человеческой оболочке, какой в случае фатальной неосторожности может получиться из меня.

Впрочем, знания, ухваченные у заключённой в Яцу твари, подсказывали, что до фатальной грани тут ещё очень далеко. Одновременно достигнуть её не получится, даже если сознательно стремиться: требуется не просто уподобиться демону, но и отчасти стать им, приняв мировоззрение твари, как своё. Для добросердечной Акаме, которая осведомлена о влиянии тейгу на сознание, поддаться скверне... сложно. По крайней мере, пока тварь в её артефакте остаётся в коме.

Значит, поводов бить тревогу и ругать полезшую куда-то не туда старшую родственницу пока не имеется. Лекцию об осторожности я уже ей прочитала, на всякий случай повторю и расширю, но большего сестре на данный момент не требуется.

Вообще поведение принадлежащей демоническому артефакту силы, вступившей в резонанс с эмоциями и родной энергетикой Акаме, которая неплохо их... (зачернила? демонизировала? или как тут правильной сказать?) — это довольно интересная тема. Я таким не занималась из-за здравых опасений порушить и без того весьма хрупкий баланс с Яцу и её влиянием, а вот сестра по незнанию решила копнуть. Пожалуй, добавлю в свою «лекцию по технике безопасности обращения с демоническими артефактами» немного информации о подводных камнях таких излишне рискованных подходов.

Метод контролируемого энергообмена и постепенной подстройки пусть медленнее и не даёт таких бустов, как псевдоактивация козырной карты, однако он на порядок безопаснее и полезнее для организма. Уже просто в силу того, что адаптация идёт мягко и плавно. Как при курсе прививок или, скорее, при тренировках, когда спустя месяцы опорно-двигательный аппарат уверенно справляется с весом, подъём которого в самом начале пути рвал бы мышцы и связки. А вот это... искажённое — но тоже правильное, просто использующее чуть иной путь и понимание — отражение моего приёма с временным скачком синхронизации... его лучше оставить на крайний случай.

Удивительно, что сестра, пойдя иным путём, пришла к очень похожему на мой результату, создав своё подобие «скачка синхронизации». Подходы и некоторые детали разные, но общее направление и полученные плоды схожи, пусть и имеют свои особенности.

Тем не менее, даже понимая вред и опасность столь экстремальной методики, я не спешила останавливать Акаме.

Во-первых — потому, что я сейчас находилась в состоянии сильного разгона разума, и объективного времени прошло не так много.

Во-вторых — сестра, судя по её словам, уже не первый раз входит в режим повышенной синхронизации таким путём. То есть вероятность срыва минимальна. Да и её метод всё же отличается от моего, с прямым расширением связующего канала. Он опасен, но имеет потолок: как уже сказано, открыть связь пошире и нырнуть в омут, за мгновения перерождаясь в могущественную безумную тварь, у Акаме не получится, даже если она захочет (а она, конечно, не захочет).

В-третьих — я всё это затеяла, чтобы оценить метод сестры, чтобы по возможности помочь ей убрать его недостатки и сохранить достоинства. Конечно, уже сейчас видно, что он опасный и несколько травмирующий; как минимум, перед его активным использованием требуется повысить сродство с силой тейгу более ортодоксальными методами, но... Иногда, чтобы сохранить жизнь в смертельном бою на грани возможного, приходится выкладывать на стол все козыри.

Даже такие двуострые, у которых вместо рукояти — ещё одно лезвие.

И в-четвёртых — это мой практически-исследовательский интерес. Тут и желание более подробно изучить работу чужого артефакта с механиками его взаимодействия с носителем, и надежда почерпнуть что-то для себя, ну и в том же духе. Жизнь и здоровье сестры в безусловном приоритете, однако, если угрозы нет — возможно, даже будет польза, кое-какие мысли уже крутятся — то почему бы и не потратить своему внутреннему исследователю?

— Понятно, — удовлетворённо хмыкнула я, выйдя из транса и посмотрев на сестру.

Та встретила меня внимательным взглядом своих жутковатых глаз с посеревшей склерой и, казалось, обрётшей новые оттенки кровавости радужкой. Особой пикантности ситуации придавало то, что в её руках находился демонический меч, сочащийся злой энергией и ядовитой ненавистью, а сама девушка, войдя в духовно-эмоциональный резонанс с тейгу, давила на округу мощным убийственным намерением.

Мой тейгу попытался повлиять на свою хозяйку, нагоняя напряжение и настороженность к «готовому броситься опасному врагу»... Довольно жалкая попытка, откровенно говоря. Ну, или одна девочка-волшебница незаметно для себя неплохо поднаторела во «внутренней» менталистике.

«Занятно. Вот значит, что чувствуют окружающие, когда я синхронизируюсь с Яцу», — хмыкаю мысленно.

— Скажи и покажи, что ты получила, — команду, игнорируя вышеуказанные детали. Бессильная ненависть заключённой в Мурасаме твари и злоба той, что сидела в Яцуфусе, отчасти даже забавляли.

— Скорость и чувство пространства, — без всяких эмоций в голосе ответила крайне сконцентрированная Акаме и, мгновенно ускорившись, продемонстрировала новые возможности в коротком бою с тенью.

— Очень хорошо, — улыбаюсь, не скрывая довольства.

Возможности и впрямь соответствовали тем, что даёт активация козырной карты Мурасаме, пусть и несколько урезанные в сравнении с воспоминаниями, доставшимися от предка, принявшего финальный (для них обоих, для Принца и для того давнего восстания) бой с Юстицией Юбикитас.

Шоса, конечно, в отличие от своего убитого Юстицией друга — по совместительству неудавшегося претендента на императорский трон — или самой рыжеволосой воительницы, в свою очередь убитой этим невезучим генералом Чёрного Принца, тогда «выжил» и сохранил дееспособность. Но перерождение в нежить, да ещё и после удара Мурасаме с его частично сработавшим проклятием, что-то повредило в разуме древнего полководца. Поэтому я считаю,

что как для личности тот бой стал последним в его трагичной жизни.

— Повтори проход ещё раз через три секунды и выходи из этого состояния, — отогнав неуместные размышления, отдаю распоряжение сосредоточенной на самоконтроле девушке и, под её короткий кивок, вновь погружаюсь в глубокий транс.

Пронаблюдав течение энергий в теле и тонких оболочках двигающейся под ускорением сестры, а также изучив процесс разрыва синхронизации, я подтвердила своё предположение: резонанс эмоций, необходимый для запуска того типа синхронизации, что использовала Акаме, для поддержания процесса уже не является необходимым. Он на данном этапе в принципе мало на что влияет — лишь без толку подтачивает психику. Для прекращения же работы навыка требуется именно перекрыть воображаемый кран поступления чужеродной силы, что автоматически нарушает эмоциональный резонанс.

Вероятно, из-за последнего сестра ошибочно привела их к тождественности.

Хотя, говоря «мало на что влияет», я имею в виду стабильность работы навыка. Однако если посмотреть внимательнее, кое для чего «наложение эмоций» оказалось вполне значимым: бурление духовной силы, которое, судя по наблюдениям, пусть и даёт дополнительное усиление, но вместе с тем вредит психике и, в меньшей степени, телу и энергетике, завязано именно на него.

Вообще процесс подозрительно напоминает тот, где происходит уплотнение со слиянием духовной и жизненной силы.

Я этой теме коснулась уже давно, когда только внедрила искусственные энергоканалы в руки, и во время полёта на северо-восток запустила смертобублик, который в связи с некоторыми обстоятельствами срезонировал с золотыми «проводами» в руке, тем самым дав относительно схожий результат. Опыт был признан интересным, но в ближней перспективе малополезным, поэтому отправился на полку проектов второй очереди. И тут такое неожиданное продолжение!

Да, масштаб несопоставим: там была отколовшаяся от духовной периферии крупинка, что смешалась с праной и почти перешла в новое состояние — а тут, считай, вся оболочка! Пусть

состояние духовной и жизненной сил объекта сильно не дотягивают до точки хотя бы частичного перехода, это всё равно удивительно!

В некотором смысле увиденное/познанное было похоже на эффект тех стимуляторов, которыми кормили Отряд, но лишь похоже. Стимуляторы, пусть и давали сиюминутную силу, но как? Повреждая нижний энергоцентр и заставляя организм пожирать самого себя, растрачивая месяцы и годы жизни и значительно осложняя дальнейшее развитие. Да и напрямую по здоровью тела они били так, что просто «ой!». А вот сила Мурасаме, хоть и являлась штукой крайне опасной, но лишь для посторонних или при халатном отношении со стороны владельца артефакта. И/или недостатке умения и личной силы.

Да и на рост могущества носителя она влияла строго положительно. Если игнорировать все многочисленные риски и побочные эффекты, разумеется.

Интересно! Очень интересно!

Исследовательский зуд буквально заставлял чесаться кончики пальцев — которые я в столь глубоком трансе вообще-то чувствовать не должна, как, впрочем, и остальное тело — и тянуться шаловливыми ручками к столь интересному материалу. Я ощущала себя, словно Пауль, загоревшийся новой перспективной идеей улучшения своих любимых «коровок».

Так и хотелось узнать, что произойдёт, когда «бурление» минует критическую точку! Вряд ли при этом получится полноценный переход на новую ступень существования — скорее, поддерживаемая тейгу временная имитация. Но кто сказал, что переход нельзя зафиксировать или инициировать иными средствами, хотя бы путём использования другого тейгу? Плевать, если подопытные этого не переживут; смертная плоть слаба, в отличие от покорных своей хозяйке тел и душ немёртвых. Главное — понять принцип, и уж тогда...

...Тогда могло бы получиться немало интересного. Однако для самой сестры это состояние — по крайней мере, на данный момент — бесполезно и даже опасно. А иного «материала» у меня нет.

С тяжёлым мысленным вздохом откладываю программу исследований и экспериментов в дальний ящик сознания.

Выступай в качестве «объекта» кто-то иной, я бы выжала из него если не всё, то очень многое, не слишком считаясь с рисками. Даже один из Отряда мог бы поучаствовать в исследованиях, при условии моего постоянного контроля с возможностью загодя определить и пресечь негативные процессы. Но не с сестрой, с которой мы мало того, что работаем во враждебных организациях, ещё и видимся в последний раз за довольно длительный — минимум несколько декад, максимум несколько месяцев — срок.

Очень жаль.

Касаемо персоналий: если то, что я видела — это частичная активация «финальной способности» Мурасаме, то понятно, почему Акаме из манги было так плохо после её полноценного использования. Пусть сначала раскатает духовные оболочки и уплотнит жизненную энергию до уровня высшего Мастера, и только потом пытается заниматься такими вещами. А я ей помогу в изучении всех подробностей процесса.

С превеликим интересом и удовольствием, да!

Что до меня: когда приживутся все новоинтегрированные энергоканалы, можно попробовать проверить пару идей, навеянных увиденным/познанным. Но очень осторожно и желательно после того, как удастся пронаблюдать эволюцию Печеньки и её становление, как настоящего S-ранга. Тогда-то с новыми силами и знаниями — которые, надеюсь, заполнят пробелы, которые, в силу моего отказа от ряда нужных и важных экспериментов на слишком значимом для меня человеке, имеются сейчас — можно будет и попробовать.

Но это обдумаем позже. Сейчас стоит рассказать Акаме об увиденном/понятом и помочь сбить углы с этой сыроватой «псевдо-kozyрной карты».

— Могу тебя порадовать сестра, — произношу, окончательно покинув транс и поднявшись на ноги.

Виски кольнуло болью, но не слишком сильно, а головокружение и вовсе не побеспокоило. Что сказать? Навык трансa познания неуклонно растёт. Хотя нырни я в постижение глубже, всё равно было бы плохо, так что вершина этого пути ещё даже не на горизонте.

На мне сконцентрировался пристально-ожидаящий взгляд алых глаз. Пусть радужки сестры вместе с утратившей свою серость склерой и потеряли былую насыщенность кроваво-красного багрянца ядовитой злобы — не знаю, как точнее описать обычными словами то ощущение, что возникало благодаря эмпатии и обострённой духовной чувствительности — но всё ещё сохраняли некий... отблеск. Со своим вечно холодноватым выражением лица, эмоциями сосредоточенности и эхом силы тейгу Акаме выглядела опасной и где-то даже жуткой. Но вместе с тем парадоксально милой и желанной. Так и хотелось подойти к этой темноволосой красавице, излучающей ауру холодной бездушности смерти, и сделать что-нибудь непристойное, заставив треснуть эту ледяную маску.

Впрочем... А что меня останавливает?

С этой мыслью делаю шаг навстречу к вернувшей оружие в ножны недвижимо-внимательной девушке и нежно целую её в губы. Сначала мне не поддавались и вообще пытались охладить неуместный пыл строгим взглядом, но безуспешно. Я ведь знаю, что это всё напускное. Так что спустя пару секунд мне с готовностью и жаром ответили.

— Ну вот, теперь ты расслабилась, — оторвавшись от чуть солоноватых губ, проговорила я. — Нечего слушать хорошие новости с таким стоическим видом.

— Да, сестра, — эротично выдохнула раскрасневшаяся Акаме.

Не думаю, что сама выглядела иначе, мысли так и стремились соскользнуть с дела на тело, куда-то в розово-игривую сторону, ага. И это даже несмотря на всё то, чем мы занимались во время полёта. Хех, а ведь я когда-то считала себя практически фригидной. Видимо, просто уровень желания завязан на те чувства, которые я испытываю. Но сейчас лучше действительно вернуться к основной теме:

— Я знаю, как решить проблему чересчур сильного эмоционального давления, — успокоившись, начинаю свою речь. — И, думаю, это получится сделать быстро, — продолжаю, начав расхаживать туда-сюда перед также успокоившей дыхание и усевшейся на снег девушкой. — Но сам навык опасный и вредный, не советую часто его использовать. По крайней мере, пока не станешь сильнее и опытнее в манипуляциях с энергией тейгу. Для этого лучше используй ту методику развития, что я показала в прошлый раз. Она медленнее, да — но зато даёт устойчивый, предсказуемый результат и помогает стабильно наращивать собственную силу.

— Поняла, — кротко и коротко ответила прилежная старшая сестра, готовая внимать моей мудрости.

— Для начала хочу сказать, что ты зря стала копать в направлении псевдоактивации финальной способности Мурасаме. Попытка пойти через принцип подобия, как я вижу, сработала, дав кое-какие интересные и неожиданные плоды, но... Я ведь объясняла опасности этого пути. Или я зря вообще затрагивала эту тему, потому что глупая старшая сестра хочет делать всё наперекор «плохой» младшей?

— Нет. Я не считаю тебя плохой, Куроме, — искренне взглянула на меня Акаме. — И я запомнила твои предупреждения, — тут взгляд наполнился решимостью. — Но мне нужно было убедиться, что я сильнее!

Как по мне, сомнительное стремление. А что, если бы не получилось и сильнее оказалось бы именно влияние тейгу? Это, конечно, крайне маловероятно: всё же воли и упрямства сестре хватит и на парочку тёмных артефактов, но всё же. Я пусть и верю в неё, но всё равно волнуюсь. Да и это её «сильнее» сомнительное. Сестра ведь так и не решилась на спарринг в состоянии повышенной синхронизации, значит, опасалась, что сорвётся. Но это я так — ворчу, потому что волнуюсь за свою революционерку. Если смотреть с точки зрения воителя, она поступила верно: сомнения губительны для духа и воли воина.

— Тогда ладно, — сказала я вслух, не став критиковать чужое решение. — Но я прошу тебя соблюдать осторожность.

— Ты тоже будь осторожнее, Куроме, — с серьёзным лицом и тем же беспокойством во взгляде, что и у меня, сказала Акаме.

Ну да, если смотреть с её стороны, то мои эксперименты с силой тейгу и прочим, выглядят заметно опаснее.

— Обязательно, — улыбаюсь суровому личику заботливой старшей родственницы и возлюбленной. — Но вернёмся к тебе. Как я поняла, основные проблемы твоей способности состоят в длительности активации и неослабевающем давлении на разум. С первым быстро разобраться не получится: нужно тренироваться и учиться взаимодействовать с тейгу

постепенно. Не используя эту твою псевдо-козырную карту — только хуже сделаешь — а тем методом, которому я тебя научила, — да, повторяюсь, но такой глупенькой упрямыце, как Акаме, лучше повторить несколько раз. — Но с эмоциональным резонансом я тебе помогу прямо сейчас. Он необходим только во время активации способности, а дальше не требуется. Нужно лишь научиться давить резонанс, оставляя поток энергии артефакта. Возможно, в новом виде навык даст несколько меньший коэффициент усиления — за счёт отсутствия бурления энергетике — но и вреда от него будет намного меньше. А то во время использования навыка кажется, будто ты закинулась подобием тех стимуляторов, что нам скармливали в Отряде, — неодобрительно качнув головой, заканчиваю вступительную часть речи.

— Какого бурления? — уточнила Акаме.

— Сейчас расскажу, не беспокойся, — киваю ей. — И не забывай спрашивать, если что-то непонятно. Самый глупый вопрос — не заданный!

Коротко кивнув в ответ, меня продолжили молча и со всем вниманием слушать, изредка прерывая вопросами.

— Теперь к конкретике, — закончив с терминологией и общими объяснениями, произношу я, перестав прохаживаться и забросив в рот обнаружившийся в кармане леденец. Твёрдая карамель захрустела под зубами. — Так вот, я сейчас подробно поясню, что и как тебе делать для ликвидации большей части давления на разум. После чего ты будешь пробовать, а я поправлять ошибки. Как прошлый раз, в общем.

— Я помню, — кивнула Акаме. — У тебя хорошо получилось меня научить. Ты хороший учитель, Куроме.

— Тогда приступим, — слегка смутившись от похвалы, хлопнула я в ладоши и немного потоптавшись, села рядом с сестрой.

И всё же это приятно — ощущать себя в роли наставницы для старшей родственницы, что ранее всегда находилась впереди меня. Правда, рассказывая, что и как, а потом проверяя и поправляя действия на практике, я ясно предощущала, что под усилениями сестра опять начнёт побеждать. По крайней мере, в большинстве поединков.

Но это мы скоро проверим.

Акаме схватывала всё если и не на лету, то очень быстро. Как ни крути, подавлять эмоции она умела и так, да и работать со своей энергетикой тоже могла на достойном уровне, что для Мастера боя — пусть по понятным причинам и не аттестованного — совсем не удивительно.

Таким образом, освоившись, отдохнув и немного перекусив вместе со мной (сладкое за еду не считается, так что это, почитай, первый наш перекус здесь), сестра приготовилась к новому поединку.

Расширив канал связи с Яцуфусой и активировав безопасный уровень «форсажа» — да, у меня есть автодок в модификации крепления на поясице, но рвать жилы ради победы в тренировочном бою я не собираюсь — и дождавшись, пока сестра активирует эмоционально-духовный резонанс, а потом вычеркнет из уравнения эмоциональную составляющую, салютую ей мечом.

Что же... После того, как Акаме сделала ответное приветственное движение и резко сорвалась в атаку, я очень чётко ощутила разницу между усилением от своего тейгу, так-то специализированного на контроле немёртвых, и тем бустом, что даёт артефакт сестры, который предназначен именно для скоростной убийцы.

Если в обычном сражении мы с соперницей были примерно на равных, даже с перевесом в мою сторону — чем я, помня то напряжение, с которым держалась против сестры в прошлый раз — законно гордилась, то сейчас меня безбожно давили. Не помогал ни «форсаж», ни «рывок», ни разогнанный разум, который пусть и позволял видеть движения противницы, худо-бедно на них реагируя, но не более того. Выйти из глухой обороны мне это не позволило.

Блин, словно против разошедшегося на полную катушку Юрэя сражаюсь!

Вероятно, используй я более опасные и чреватые последствиями навыки — смогла бы если и не выйти вперёд, то в достаточной мере уравнивать шансы, дабы не чувствовать себя заторможенной клушей, кое-как отражающей атаки только за счёт разгона разума и перехода на экономичный, не предусматривающий размашистых движений стиль боя. Но в текущих условиях, когда я старалась беречь относительно недавно имплантированные энергоканалы,

вся моя оборона — это не более чем оттягивание неизбежного и надежда на чудо или улыбку удачи.

...Вот сестра повелась на намеренно оставленную дыру в защите и попыталась дотянуться до моего живота. Я успешно ушла от опасного лезвия и в свою очередь атаковала клюнувшую на уловку противницу.

Неужели удача действительно окажется на моей стороне?!

Нет.

Мало того, что слишком быстрая партнёрша по спаррингу сумела уйти от уготованной ей ловушки, так ещё и чуть не подловила меня! Не за счёт более продуманной тактики, а просто в силу опережающей скорости движений. Обидный щелчок по носу много возомнившей о себе некрманси. Особенно если учесть, что кончик клинка едва разминулсЯ с моей физиономией.

Призывы? Не факт, что помогут. Те, что можно показать — слишком медленные. А те, которые могли бы оказать поддержку — вроде Камуи, что сумел бы затормозить слишком резвую противницу — должны оставаться в тайне. Да и не факт, что заторможенная и туповатая марионетка с непробуждённым разумом сумеет правильно подловить Акаме, а не замедлит именно меня. Увы, пусть я со своими монстрами и могу разрушить город или, скажем, размазать по земле не слишком крупную (и не насыщенную высокоранговыми воителями) армию, чего точно не сумеет сестра, но в скоростной схватке один на один... грустно всё.

Плюсы и минусы специализаций — от них никуда не деться. Сейчас я играю на чужом поле — и, как следствие, едва способна не проиграть сразу.

Пользуясь своим преимуществом, алоглазая убийца таки сумела сбить клинок Яцуфусы, тем самым вскрыв раковину моей защиты. Чтобы ударить в образовавшуюся щель, ей потребовалось меньше субъективного мгновения, лишь немного растянутого разгоном разума. И несмотря на то, что я всё-таки смогла защитить корпус, отведя клинок щитком наруча, сестра на обратном движении сумела резануть по внутренней части плеча. С досады я пнула её в голень — будь бой настоящим, и удар пришёлся бы выше, вышибив коленную чашечку — но это уже ничего не значило.

Дальше начался обратный отсчёт, что отмерял тот небольшой срок, за который я всё ещё могу выйти на ничью, она же — взаимное убийство. Только вот противница не стала изображать невесть что, а, держа в голове «снизившую мобильность травму», предпочла уйти в оборону и дожидаться, пока я «умру».

Поражение.

В реальной схватке я бы попыталась выжечь расплзающееся по телу и энергетике проклятие встречным потоком концентрированной энергии Яцуфусы, что просто омертвила бы все ткани вокруг и внутри заражённого участка, тем самым блокируя и рассеивая смертоносную атаку. Но... не знаю, насколько эффективно получилось бы проделывать данную операцию — а ведь ткани потом потребуется ещё и «оживить», вымыв негативную силу праной! — одновременно ведя сражение. Скорее всего, повторился бы трагичный сценарий, произошедший с предком и его воюющей по иную сторону баррикад возлюбленной — то есть полноценный переход в неживое состояние и пиррова победа с последующим безумием и деградацией до марионетки собственного тейгу.

Что ж, учтём.

— Фух, — вернув Яцу в ножны и выгнав из тела негативную силу, выдохнула я, уперев руки в колени. — Теперь победа за тобой, хах, сестрёнка. Всё-таки стараться лучше нужно именно мне.

— Я стала сильнее, потому что ты мне помогла, — не согласилась Акаме, которая пусть и дышала учащённо, но выглядела заметно бодрее меня, пожадничавшей использовать автодок.

«Э-эх! Почти зеркальное отражение первого поединка. Я ведь могла победить! Могла!» — полыхнуло внутри разжигаемое тейгу недовольство и желание реванша, практически сразу, впрочем, подавленное.

— И ты могла использовать кукол Яцуфусы, — с лёгким оттенком неприязни к оным, добавила девушка, которая продолжала немного недолюбливать немёртвых, даже несмотря на то, что недавно с удовольствием прокатилась на спинах двоих из них.

— Могла, — соглашаюсь с ней. — Но если противник стоит вплотную, то, ха-а, в этом мало смысла. Только дополнительно силу с концентрацией тратить. Ха-а. Чтобы монстры нормально сработали против такой быстрой, уф, цели, нужно натравить их издали. В идеале — чтобы цель не видела меня и не могла атаковать, ух. К тому же, если бы марионетки вообще сумели тебя достать, то лишь ударами по площадям, силу которых трудно соизмерять. Ты мне нравишься такой, какая есть, фуф, а не в виде кровавой кашицы.

— Я поняла, — чуть отстранённо ответила Акаме, чья поза и легко читаемые эмоции явно отражали задумчивость. Очевидно, что она, как и я, просчитывала различные тактики нашего противостояния при условии участия кукол Яцуфусы.

Молча встаю рядом и также направляю взгляд вдаль. На некоторое время повисла задумчивая тишина, разбавляемая лишь звуками дыхания: почти спокойного у сестры и моего — учащённого, но постепенно успокаивающегося.

Вообще я, наверное, была неправа, когда заявляла, что крупные монстры бесполезны в бою накоротке. Да, Хрустик пока подчинён не до конца и потому слишком заторможенный. Но Печенька, помимо того, что стала быстрее, выучила базовые способности воителей и освоила парочку (заметно больше) интересных трюков, является разумной боевой единицей, привычной к плотному контакту через мыслесвязь. Если грамотно взаимодействовать с трёхглавой прожорой и остальными марионетками, можно (как минимум) ограничить манёвр слишком быстрого противника и поставить его в невыгодную позицию. Но это при условии наличия отработанных схем, на которые буду опираться не только я, но и пробуждённые марионетки. А то если действовать наобум, можно ограничить манёвр себе, а то и подставиться.

Придя к такому выводу, делаю себе заметку: разработать тактику группового противостояния одному около- или внеранговому врагу (вроде Юрэя, Акаме, под влиянием новой способности, или, тьфу-тьфу, Эсдес), а также нескольким просто сильным и быстрым, уровня среднего Мастера. Давно пора этим заняться, кстати, не упираясь в личное усиление — иначе какой из меня "петовод"?

И если уж заговорили о Юрэе, то стоит подтолкнуть сестру — и Ночной Рейд в целом — к налаживанию контактов с ним и его Боевой Школой. Мы со стариком обсуждали этот вопрос, и он оказался не против (как потренировать сестру, так и поиздеваться над Наджендой, вступив с ней в переговоры, дабы «завербоваться»... но лишь после того, как достаточно поиграет на нервах «этой сопливой интриганки»).

Риск, конечно. Но такой актив, как старый и влиятельный (не лично: тут он сильно просел после отставки, но через множество знакомств и авторитет — вполне) высший Мастер, да ещё со своей школой — для одноглазой крайне ценен. Сливать его она станет в самую последнюю очередь. Ведь, насколько я понимаю, штабу РА Надженда верит не больше, чем моему Синдикату, а тут «простой правдоруб, пострадавший за свою честность». Ну а я, в свою очередь, оплету наивную главу революционных убийц, попавшуюся на очередную наживку, новыми фигуральными щупальцами.

Тут следовало бы изобразить злодейский смех, но Натал говорит, что он у меня не очень хорошо получается. Поэтому промолчим.

— Пока меня не будет, я бы посоветовала тебе взять несколько уроков у Генсэя, — произношу вслух, прервав воцарившуюся на несколько минут тишину. — Я говорила с ним на эту тему, и он согласился проводить вечерне-ночные занятия для вас с Булатом. Всё равно у него бессонница. Ты ведь заметила, что моя техника улучшилась? В этом есть немалая доля его заслуг.

— Я... Для меня честь — учиться у такого опытного и известного человека. Но разве это не вызовет проблем? Он ведь не любит революционеров, а я...

— Думаю, этому старому, во всём разочаровавшемуся анархисту — плевать. Нынешнюю имперскую власть Генсэй презирает не меньше РА. А вот силу и боевое мастерство уважает. Полагаю, старик даже остальной Ночной Рейд обучать не откажется. Если там найдутся перспективные ученики, разумеется. Может, поворчит, но если не выгонит сразу — значит, согласится.

— Ты хочешь сказать, что я могу рассказать Командиру о Мастере Генсэе и нашем знакомстве с ним? — осторожно уточнила длинноволосая брюнетка.

— На твоё усмотрение, — внешне безразлично пожимаю плечами. — Если сможешь и захочешь контактировать с новым наставником, не вызывая подозрений у начальства и остальных — прекрасно. Если нет — тогда обсудите всё с Булатом и Генсэем. Главное — меня не упоминайте. А так... Я, в конце концов, не главнокомандующий, чтобы отдавать приказы пусть отставному, но высшему генералу. Он мне благодарен и разделяет мои цели, но не является подчинённым, — несколько покривив душой, сказала я. — Просто я беспокоюсь за тебя, поэтому мы с Генсэем поговорили, и он согласился оказывать помощь в обучении или подкидывать важную информацию. Но о конкретных вещах вам с ним придётся договариваться

самостоятельно.

— Сестра! Ты самая лучшая! — Акаме, ошибочно решившая, что сумела толкнуть меня на сближение с революционным движением — как же, мой союзник станет сотрудничать с Ночным Рейдом! — очень обрадовалась и крепко-крепко меня обняла.

На фоне таких эмоций даже немного совестно за свои коварные планы. Самую малость, хе-хе.

— Тоже тебя люблю, — улыбнувшись милой сердцу девушке, что словно ласковая кошка потёрлась об меня щекой, шепчу ей на ушко. — Но, думаю, нам пора собираться. Мне ещё к своим оболтусам возвращаться, а тебе к своим.

— Да. Но сначала... — тут Акаме решила проявить редкую инициативу и впилась в меня долгим страстным поцелуем.

— Высади меня на десять километров к югу, от той точки, где мы встретились, — оторвавшись от моих уст, попросила вновь напустившая на себя деловой вид сестра.

— Хорошо. Хотя ты немного торопишь события: расставаться мы будем после последнего раза в вагончике, — игриво улыбаюсь. — Если ты не против, конечно.

— Нет, — вновь скатившись к привычной для себя лаконичной манере общения, ответила девушка. Впрочем, учатившееся дыхание, усилившийся румянец и некоторые иные признаки сразу выдали бы эту «скрытницу», даже не умея я читать эмоции.

Что-то мы с сестрой, если сравнивать с обычным состоянием, совсем вразнос пошли. Неужели мама вместе с ужином угостила нас афродизиаками? Или просто гормоны разыгрались? Любовь-влюблённость-все дела, а ещё скорое расставание сверху? Хм, наверное.

Хотя так ли это важно? Главное, что нам хорошо. И мне, и Акаме.

— Возьмёшь с собой платье и остальное?

— Остальное? — не поняла Акаме.

— Ну, твоя богатая сестра приготовила тебе всякого, не только первое платье и смену, в которой ты танцевала. Потом посмотришь и выберешь, что понравится. А то я вроде бы подлая коррупционерка и мародёрка, а нечестно нажитое тратить некуда, — произношу с иронией. — Живу не по средствам, хех. Даже майорскую зарплату одолеть не могу. Вот, думаю, подарю любимой побольше красивой и удобной одежды. А то ваши революционеры, наверное, и платят мало, и по магазинам пройтись не дают.

— Тебе не нужно на меня тратиться, — без особых эмоций на лице ответила сестра (ну, точно разволновалась и пытается это скрыть! наверное, уже воображает, как я вступлю в Рейд и буду вместе с ней рубить «плохих имперцев»). — Я могу купить одежду сама или сделать заказ кому-то из членов команды. Лучше помоги тем, кто нуждается, — закончила Акаме.

Впрочем, эмпатия подсказывала, что девушке приятны подарки и моё внимание.

— Я помогаю, — улыбаюсь ей. — Анонимно в основном. И тем, кто этого заслуживает, — увидев непонимающий взгляд, разворачиваю свою мысль: — Просто нуждающиеся бывают... всякие. Некоторые с удовольствием примут руку помощи, чтобы втихаря воткнуть заточку в печень и обобрать труп. Или потратят полученное на выпивку с наркотиками. Да мало ли ещё вариантов? Некоторые заслуживают, чтобы им дали шанс, а некоторые достойны лишь того, чтобы утопить этот шанс в грязи и утонуть в ней самим. Порой даже интересно бывает одарить того, кто стоит на грани добра и зла, дав ему выбор между трудным путём к спасению и обманчиво простой наклонной тропкой к самоуничтожению, — по лицу скользнула усмешка. — Или наказать убудка своей, хех, «помощью». Хотя не думаю, что тебе это интересно.

Безразлично махнув рукой, я вернулась к более важной теме:

— Так сумку возьмёшь или выбросить?

— Конечно, возьму! — даже немного возмутилась Акаме. — Это ведь твой подарок, Куроме!

Примечание к части

Пункт тапкоприёма открыт)

Автор и Куроме выражают признательность тем, кто поддерживает текст на Бусте или делает пожертвования на Тёмный Алтарь Печенек.

Завершён Hydrargyrum (ГП + Фэйт Зеро) <https://ficbook.net/readfic/6570064/34092724>

«Путь восстановления» - годнота по Скайриму, про мастера (попаданец в тело ребёнка, впоследствии воспитанного в коллегии магов) вышеозначенной школы:
<https://ficbook.net/readfic/13064688>

Если кому-то интересны новости о происходящем в России, то вот:
<https://www.youtube.com/@p.a.ivanov/videos> нашёл неплохую площадку.

Лемор недавно закончил Злодея и начал новый довольно занимательный проект:
<https://ficbook.net/readfic/13303187> Называется «Реверсивный самоубийца».

Седрик закончил Демоноборца (Паладин-2) <https://author.today/work/240873>

Правда, негатива многовато, человек старается привлечь внимание к проблемам и расшевелить чиновников.

А.Н. — бечено.

По главе: Куроме Коварна! *злодейский хохот в одобрительной тональности*

P.S. В порядке (само)рекламы: <https://ficbook.net/requests/663579> -- обратите внимание на шестой комментарий ("А вот это, собственно, неплохой выход" и пр.), в котором из заявки

выпарены навороты, накручивающие её техническую сложность, и оставлена только самая суть реквеста.

Если кто решит написать (полу)оридж на таких условиях -- готов выступить консультантом, бетой и даже, может, соавтором!

Добродел

Я бы тоже такое почитал. Так что не проходите мимо, товарищи!

<http://tl.rulate.ru/book/57083/5074549>